

A 1794
Рос 4-4
1-624

№ 54.

И Ю Н Ъ 1924 Г.

Цена 15 центов.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

18-1256.

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

16024

СОДЕРЖАНИЕ:

Экспроприация и экзизм.
 Кооперация и анархизм.
 Игра с огнем.
 Ассоциационный анархизм.
 Пророк (Стихотворение).
 Первое Международное Товарищество Рабочих.
 Кошмары (Стихотворение).
 Записи тюремные.
 Уроки "морали".
 Общему собранию Общества Бывших Политкаторжан и Ссыл-
 но-поселенцев.
 Искажения истины.
 Отчеты и заявления.

ОТЧЕТЫ

ОТЧЕТ ФЕДЕРАТИВН. СЕКРЕТАРЯ ОТ 1-ГО МАЯ ПО 1-Е ИЮНЯ 1924 ГОДА.

ПРИХОД:

Гар — д в фонд полит. закл. в России	20.00
Пиб — ы за "В."	3.00
Гри — т, то-же	1.50
Дж. Си — н, то-же	2.60
Н. И., то-же	12.00
Чик — о, за лит.	6.00
Инт. Ф., за "В."	4.00
Н. Г — н, то-же	3.00
Мар — н, то-же	3.15
Бей — д, то-же	3.75
П. Ро — н, то-же	1.00
Н. Г — н, то-же	10.50
Чи — ко, то-же	5.00
До — т, в фонд "В."	11.00
Се — л, Ваш., то-же	5.00

А. Новосельский, день рабочей печати	7.20
Н. И., день рабочей печати	57.55

Итого — 156.25

РАСХОД:

Выпуск журнала № 53	159.00
Рассылка	13.50
Перев. ст.	10.00
Бум. и 500 шт. конв.	1.00
Марки	1.00

Итого — 184.50

Оставалось в кассе на май 1.12

Всего в кассе — 157.37

Приход — 157.37

Расход — 184.50

Дефицит — 27.13

Кроме того из суммы 157.37 следует вы-
 сать в Россию 20.00, так что весь дефицит
 числится в сумме 47.13

Рос 4-4
1-624

ЭКСПРОПРИАЦИЯ И ЭКСИЗМ.

С понятием об экспроприации, у анархистов связано не что иное, как "насильственное отчуждение земли, фабрик, заводов, домов и т. д. — в интересах всей деревни, города, области или народа..." *). Такое истолкование смысла экспроприации проходит красной нитью через всю анархистскую литературу и в этом, по нашему мнению, заключается неотразимая нравственная сила анархии.

Всем этим анархисты как бы говорят о бескорыстии и о том, что они в борьбе с государством и капитализмом, не преследуют никаких своих особых партийных интересов и требуют себе лишь того, что выпадает на долю каждого человека.

Из этого само собой вытекает то положение, что никакая часть общественного достояния не может быть захватываема анархистами исключительно в свою пользу хотя бы для целей группового пользования. Такой акт может быть оправдан лишь в том случае, если захватываемое имущество и другие общественные блага становятся достоянием не одной какой-либо анархистской организации, а всей деревни, города или народа.

Как бы мы ни смотрели на захват во время русской революции дачи Дурново, или некоторых столичных типографий в исключительное пользование анархистов, мы должны признать, что подобные акты, может быть необходимые и оправдываемые условиями момента, вряд ли подходят под анархистское понятие экспроприации, и их скорее можно отнести к "пассиву" анархистской деятельности, нежели "активу".

Отрицательным в этом является, конечно, не самый акт экспроприации — захватить и то и другое надо было, — а форма исключительно анархистского пользования захваченным имуществом. Им завладели "анархисты" и оно, следовательно, стало как бы собственностью одной

хотя бы и революционной группы лиц и было уже недоступно для всех или по крайней мере для желавших так же, как и анархисты, пользоваться этим имуществом.

Захват особняков анархистами, конечно, был истолкован их политическими противниками в превратном смысле.

— "Посмотрите, говорили они народным массам, анархисты, ратующие за ваши интересы, только и делают то, что захватывают особняки, да сами устраниваются в них, а вы по-прежнему живете в подвалах и дворцы для вас недоступны".

Таким образом создавалась почва для упреков анархистов тогда, когда они всего меньше их заслуживали, а это в свою очередь вело к подрыву доверия к анархистам и подозрительному отношению народных масс к их слову и деятельности. Анархисты очевидно гораздо больше выиграли бы во мнении народных масс, если бы не устаривались сами в захваченных особняках, а предоставляли их под помещения для школ, театров, больниц, музеев, приютов и т. п. общественных учреждений. Действуя таким образом, они пресекли бы всякую возможность для нападок на них со стороны политических партий и на деле доказали бы, что они не преследуют никаких своих целей кроме блага всех трудящихся.

Особняки были самым слабым и уязвимым местом и в смысле стратегическом. Собрание в одном месте большого числа анархистов упрощало для большевицкого государства задачу ликвидации анархистского движения. Чтобы разгромить это движение надо было в соответствующий момент ударить по особнякам, и это большевики сделали. Победа над небольшими группами анархистов, разбросанными по разным уголкам Москвы, досталась бы большевикам не так легко и скоро, как во время разгрома особняков.

* * *

Определив экспроприацию, как насильство-

*) См. "Доклады и заключения 1906 г." стр. 4.

ное отнятие орудий и средств производства от капиталистов и буржуазии, и переход всех общественных благ, являющихся теперь предметом наживы частных предпринимателей в пользование и достояние всего населения деревни, города или народа, мы несколько остановимся на другом, интересующем нас вопросе — экзисме, который многие отождествляют с экспроприацией. Экспроприация в анархистском смысле может быть проведена в полной мере лишь во время социальной революции. К этой цели, следовательно, должны быть направлены все наши устремления.

Экспроприация всех богатств одного капиталиста, а тем более частичная, оставляет все по-прежнему и не разрешает основного вопроса о всеобщей экспроприации. Достаточно заглянуть в судебную хронику, что бы убедиться насколько велико и с каждым годом все возрастает число так называемых преступлений против частной собственности. Грабежи, кражи и другие хищения — обычные явления в буржуазном обществе.

И все это, однако, мало тревожит и беспокоит буржуазию и охраняющую ее власть. В Америке, например, при большом наличии разных страховых обществ ограбление банка, похищение товара или кража какого нибудь имущества не только не отражается на всей капиталистической системе, но почти несколько не чувствуется даже отдельным "пострадавшим" капиталистом или предпринимателями: ограбленное имущество, деньги или жизнь почти всегда застрахованы, буржуа ничего не теряет, а в некоторых случаях даже выигрывает, получая страховую премию на большую сумму, чем была его потеря.

Интересы буржуазии, как видно из этого, очень мало страдают от воровства и грабежа. Буржуазные правительства не жалуют народных денег на содержание громадной армии полиции и шпиков для охраны ее имущества и затем к ее услугам страховые общества, покрывающие понесенные убытки, которые в конечном итоге возмещаются обирательством всего населения страны и эксплуатацией труда рабочих.

Бруклинская "блондинка" могла терроризо-

вать несколько десятков торговцев и буржуа, но от всего этого число последних не убавилось, а тем более не произошло никакой заметной перемены в системе самого буржуазного общества. И для того, чтобы поколебать основы этого общества нужно нечто более сильное и мощное, нежели отдельные нападения и отнятие имущества у отдельных капиталистов.

Нужны бунты и восстания городов, целых областей и, наконец, всей страны. Нужна Социальная Революция, чтобы уничтожить рабский капиталистический строй и его главного защитника — государство.

* * *

Революционное движение в России в свое время отдало дань экзисму. Особенного расцвета он достигает в период упадка, наступивший след за неудачной первой революцией 1905 года. К этому средству прибегают почти все политические партии: эсеры, меньшевики и большевики. Устраивается ряд смелых нападений на казначейства, почты и почтовые поезда, конфискуются крупные суммы. Одно время все революционные течения как бы охватывает эпидемия экзисма.

Практика, однако, не замедлила обнаружить всю пагубность экзисма для революционных партий. В начале признавались исключительно экспроприации казенных денег, т. е. нападения на банки, почты, казначейства и другие казенные учреждения. Предполагалось, что таким образом можно подорвать и дезорганизовать деятельность государства, поднять дух масс и на добытые средства повести более широкую революционную пропаганду. Практика, однако, обнаружила всю несостоятельность подобных предположений. Нередко во время эксов гибли самые способные и активные революционные работники, а уцелевшим, благодаря характеру совершенного ими преступления, приходилось добровольно изолировать себя от всякой революционной работы среди масс, все время скрываться от преследований полиции, и в большинстве случаев эмигрировать за-границу.

Революционное движение таким образом лишалось самых лучших своих сил и несколько не выигрывало оттого, что в кассах центральных

комитетов социалистических партий были довольно крупные суммы. В силу естественного, так сказать развития, от экспроприации казенных денег перешли к экспроприации частных капиталов, а отсюда, идя по линии наименьшего сопротивления, докатились до мелких эксов у лавочников и торговцев.

Появились, конечно, безразветленные личности, лентяи и любители легкой наживы, которые, ничего общего не имея с революционным движением, под маской революционности занимались вымогательствами денег и устройством экспроприаций в свою личную пользу. Эксы и вымогательства таких мазуриков начали приписывать революционерам и вполне естественно, что общественное мнение, все время благоприятное для революционеров, резко изменилось к ним, а это в свою очередь не могло не отразиться на всем революционном движении и несколько поднять, совсем было павший, престиж презираемой всеми царской власти.

Всего этого не могли, конечно, не учесть революционные партии России, не замедлившие, осудить и раз навсегда покончить с эксизмом, как средством, которое не способствует, а лишь компрометирует, деморализует и дезорганизует всякое революционное движение.

Хорошо известно, например, что Кропоткин был противником эксов, особенно частных. В 1906 году, в период увлечения эксизмом и свирепых расправ правительства с экспроприаторами-революционерами, Кропоткин, конечно, был на стороне тех, кого на виселицах душили царские жандармы. Это было время безудержного правительственного террора против всего живого и мыслящего в России, "война на жизнь и смерть", и вот почему Кропоткин не мог осудить эксов, т. е. "правительство само толкает всех на всеобщий грабеж и заранее оправдывает всякое насилие" *).

Но в тех же "Докладах и Заключениях 1906 г." в отделе о "Грабеже и Экспроприации" мы находим косвенное осуждение эксов или вернее предупреждение не увлекаться ими.

"Мы хотели также указать, говорится в заключении, на опасность, которая представлялась бы для всякой революционной партии — тем более, во время революции — если бы захват денег, где попало, хотя бы и на строго революционные дела, вошел в программу деятельности партии и через то получил бы широкое распространение. Признавая вполне все необходимости боевого времени, мы хотели показать, как умножение актов грабежа всегда деморализовало армии, допускавшие его, как средство жизни в неприятельской стране; и мы хотели напомнить, как во время Великой Французской революции дело дошло до того, что вокруг крайних революционных партий, имевших в виду общее благо, развилось такое множество людей, преследовавших цели личной наживы, — что общественное мнение наконец не могло разбираться между теми и другими. Этим и воспользовались, конечно, — сперва умеренные, а потом реакционные партии, чтобы поднять общественное мнение трудящегося народа против крайних революционеров и задумшить их, а с ними — задумшить и революцию вообще.

* * *

Говоря об эксах, приходится указать еще на несколько отрицательных явлений, неизбежных в связи с этого рода занятием. Экспроприаторская группа является строго конспиративной организацией, и в силу этого ее деятельность почти всегда сводится к нападениям, а затем укрывательству взятого и избеганию преследований со стороны полиции. Нет ничего удивительного, что эксист, находящийся под постоянным страхом ареста, а то и виселицы, превращается в человека, всегда озирающегося на свою тень и вынужденного стоять в стороне от всякого революционного движения.

Это, конечно, еще полбеды. Самое же худшее в эксизме, выражаясь на тюремном жаргоне, это — "засыпанье" и провокация. Ликвидация экспроприаторских групп почти всегда начинается с арестом одного какого-нибудь эксиста. Попавшемуся почти всегда грозит петля или долгосрочное тюремное заключение. И вот для того, чтобы спасти свою "шкуру" эксист начинает выдавать все ему известное и предавать в руки полиции своих товарищей.

Таких рассказавшихся провокаторов полиция освобождает или даже устраивает фальси-

*) См. брошюру "Доклады и заключения 1906 года", стр. 5.

фигурирующие "побеги", превращает их в своих агентов и при их содействии раскрывает дела и арестовывает остальных участников.

В общем в России не мало погублено горячих, увлекающихся революционеров, сделавшихся жертвой такой провокации. Зная с какими жертвами и риском сопряжено занятие экзизмом, у нас естественно возникают большие сомнения насчет необходимости и целесообразности этого средства: анархисты, конечно, никому и ничего не запрещают: "каждый волен действовать и поступать как ему хочется. Может даже грабить и убивать старух, как это поступил Раскольников — один из героев Достоевского. Но все эти экзсы, грабежи и воровство, конечно, не имеют ничего общего с анархическим движением, целью которого является экспроприация всего и в пользу всех.

Недопустимы в анархическом движении, на наш взгляд, экзсы не только в личную пользу — себе в карман — но и для революционной пропаганды. Эта мысль высказана еще Герценом во время издания им своего "Колокола" приблизительно так: — "Всякая революционная пропаганда только тогда действительна, когда она оплачивается". И это вполне понятно: если, скажем к примеру, "Волна" сама себя оплачивает, то это значит, что она имеет читателей, интересующихся ею и поддерживающих ее. Если бы этого не было, то это означало бы, что революционной работой этого журнала никто не заинтересован помимо небольшой группы лиц, его издающей.

Герцен, сам состоятельный человек, и обладавший достаточными средствами, что бы издавать "Колокол" без помощи со стороны, закрыл, однако "Колокол" как только убедился, что ре-

волюционная молодежь перестала им интересоваться и увлеклась новым народолюбческим течением.

Нам неизвестен еще ни один случай, чтобы на деньги от экзсов издавался какой нибудь революционный журнал. И если бы такой журнал когда либо появился, то мы сомневаемся, что бы он мог пользоваться моральным успехом у трудящихся. Рабочие привыкли прежде всего ценить издания, в создании и поддержке которых они принимают участие. Издание же журнала исключительно на средства экспроприаторской группы походило бы на субсидирование или какое то благодетельствование сверху.

— "Кто то на какие то средства из сомнительных источников — издает для нас журнал, сказали бы рабочие и у их непременно появилось бы недоверие и подозрительное отношение к такому журналу.

В силу всего изложенного, экзсы неприемлемы для анархо-коммунистического движения ни с тактической, ни с этической точки зрения, особенно, если принять во внимание, что при американских условиях ведения работы, позволяющих все вызываемые ею расходы покрывать добровольными пожертвованиями и нет абсолютно никакой надобности прибегать к такого рода крайним и сомнительным средствам.

Наша цель — не экзсы, а всеобщая экспроприация посредством Социальной Революции награвленных капиталистами богатств и затем использование их не в интересах отдельных лиц, групп и партий, а всего населения данной деревни, города или страны.

Июнь 1924 г.

U. S. America.

КООПЕРАЦИЯ И АНАРХИЗМ.

Иос. Маевский.

(Статья 1-я.)

В чем выражается, главным образом, современное анархическое движение? Это вопрос далеко не праздный, а, напротив, главный, кардинальный вопрос для нас теперь — от того, в чем мы видим сущность анархического движения, непосредственно зависит определение нашей линии поведения, т. е. того, что принято называть тактикой движения, а тактикою, в свою очередь, определяется возможность достижения цели движения, т. е. определяется успех его или поражение.

Обычно, в политических и социальных партиях и течениях, сущность движения видят в размерах группировок, в распространенности прессы и во всех тех действиях, которые вызываются сознательной волей данной группировки. Согласно этому взгляду, обычно считают, что все анархическое движение складывается из всех анархических групп, федераций и конфедераций, из размеров анархической прессы разных стран, из успеха действий этих организаций и из того сочувствия, которое распространяемые нами взгляды и совершаемые нами действия встречают в трудящихся массах.

Если стоять на этой точке зрения, то, обзревая современное анархическое движение, нельзя не прийти к весьма грустным выводам, так как не подлежит сомнению, что, понимаемое в этом смысле анархическое движение, со времен I-го Интернационала, откатилось далеко назад. Было время, когда анархизм пользовался величайшей популярностью в революционных массах, когда люди, сочувствовавшие анархизму, составляли в социально-революционном движении — большинство, между тем как сейчас они составляют небольшое и маловлиятельное меньшинство. Социально-революционное движение идет не по путям прокладываемым анархистами, а по другим руслам, чуждым анархизму и часто противоположным ему.

Вследствие этого, многие товарищи не видят в анархическом движении возможности использовать свои силы с надеждою на успех, и ухо-

дят в другие партии и течения, где, как им кажется, их усилия дадут более реальные результаты. Другие, более стойкие и более убежденные, остаются в рядах анархистов, но с грустью констатируют, что социалистическое движение идет неправильным путем и потому приведет трудящихся к неизбежному поражению, и утешаются тем, что после этого кровавого урока оно (социальное движение) придет к признанию истинности нашего учения и наших предостережений, и тогда уж, наверное, мы, анархисты, зайдем в нем подобающее место...

Между тем стоит присмотреться внимательнее к современной действительности; стоит отделиться от многочисленных предрассудков и застоявшихся взглядов, которые неизбежно заводятся в каждом политическом, социальном или религиозном движении; стоит принять учение наших славных учителей (Кропоткина, Бакунина, Реклю и др.) не как окостенелые догматы, а как живые мысли, меняющиеся, совершенствующиеся, эволюционирующие с течением времени, растущие по мере того, как в жизни нарождаются и развиваются новые факты и явления. ("Ищите", говорил П. А. Кропоткин незадолго до смерти, "ищите — я сам ищу") — и мы неизбежно придем к другим, более радостным выводам, перед нами откроются новые горизонты, новые области для применения к живой жизни своих идеалов и своих сил.

Русская революция беспощадно разрушила много иллюзий, выявила бессодержательность многих социалистических утопий. Между прочим, она показала всю беспечность бредней социал-демократии, мечтавшей создать "социалистическое" общество по инициативе государственной власти, регулировать производство и потребление бюрократическим путем. Но, с другой стороны, она показала также, что не менее фантастичны и бесплодны надежды на то, что социалистический строй создается усилиями самостоятельно нарождающихся групп, свободной и

внезапно проснувшейся инициативой революционного народа, который, как мы думали до революции, как только почувствует свободу, возьмет в свои руки производство и распределение и организует их так, что мы сразу очутимся в коммунистическом раю.

Русская революция, как и все революции социалистического характера XIX-го века (1848, 1871), показала, с неопровержимой ясностью, что революция есть явление разрушительного, а не творческого характера. Революция ничего создать не может. Революция только разрушает те препятствия, которые встречала на своем пути жизнь, и, таким образом, она дает возможность развиваться тем социальным явлениям и формам, которые родились еще в старом режиме, но которых развитие было стеснено этим последним. Развивается после революции только то, что нарастало и назревало в старом режиме; но не может возникнуть во время революции то, чего жизнь не выпирает наружу сквозь оболочку прошлого. Переход земли в руки трудового крестьянства — это было требованием русской жизни в течении целых десятилетий, даже столетий; крестьянство имело готовую форму для принятия этой земли и использования ее — это было крестьянское трудовое хозяйство; и революция дала крестьянам землю, которая тотчас же вошла в народно-хозяйственный обиход. В области же обрабатывающей промышленности, при старом режиме не создалось такой хозяйственной формы, при помощи которой народ мог бы овладеть производством и распределением и вести их согласно своим интересам — поэтому мы видим, что в этой области, несмотря на все старания, никакого социализма не получается. Не имея в своих руках готовой формы для ведения социалистического производства, народ, когда получил в свои руки все средства производства, оказался совершенно не в состоянии организовать при их помощи общественное производство. Такой формой вообще не может служить государственный аппарат буржуазного общества — и мы наглядно видим, как все попытки приспособить его для этой цели терпят неудачу. Других же форм не имеется, потому что при царском режиме им не дали развиваться. В

современной стадии культурно-экономического развития общества, такую форму могла бы быть только кооперация (потребительская и сельскохозяйственная), и теперь в России все, начиная с правительства и правящей партии, пытаются наснез создать кооперацию. Но создать кооперацию по заказу нельзя. Для того, чтобы кооперация могла служить фундаментом социалистического строя, она должна развиваться до революции, и к моменту революции она должна быть уже в состоянии овладеть производством и распределением, т. е. должна иметь готовый и достаточно мощный аппарат и достаточно многочисленные кадры хорошо подготовленных кооперативных работников.

Точно такое же положение мы видим и в области политической. Революция на одно мгновение разрушила центральную государственную власть и предоставила народу возможность создать новый политический строй на таких началах, которые соответствовали бы его интересам. Но народ оказался совершенно неподготовленным для этой задачи; он только растерялся под бременем легкой на него ответственности, так как у него не оказалось никакого плана нового политического устройства, никаких определенных политических принципов, кроме туманного желания устроить свою жизнь "на более справедливых началах". Во время революции появилась идея советского строя — но было уже поздно: подготовка нового строя должна совершаться до революции, а во время революции здание его надо быстро воздвигать по готовому плану и с готовыми материалами. Во время революции народ держит экзамен на аттестат зрелости, и тот народ, который в это время пытается спешно пройти курс приговорительного класса — проиграл революцию. Русский народ проиграл революцию, и, после разрушения самодержавного режима, снова создался строй государственный, и притом такой, о котором даже Н. Ленин говорил, что он "ровно никуда не годится и перенят нами целиком от прежней эпохи", (ст. "О Кооперации" от 6 янв. 1923 г.).

Самодержавный режим, свирепо преследуя свободную мысль и всякое проявление народной инициативы, не дал русскому народу возмож-

ность своевременно выработать план и подготовить материалы для нового строя. Это не спасло старый режим, наоборот, это только ускорило и обострило революционный процесс. Но в то же время это послужило основной причиной того хаоса и того бессилия, которые наступили после революции. Этот хаос и это бессилие были неизбежны, и всего менее виноват в них русский народ.

И вот, переходя к вопросу о революционной подготовке других стран, спрашивается: возникают ли в недрах современного капиталистического общества элементы для осуществления свободного социалистического хозяйства и свободного, безгосударственного политического строя, и насколько далеко подвинулось вперед их развитие. Понятно, что если бы оказалось, что таких элементов не имеется, или что они еще слишком незначительны, то мечтать о близких революционных потрясениях было бы прямо так же преступно, потому что эти потрясения ничего не дали бы кроме разрухи и страданий. Но, с другой стороны, если такие элементы имеются, то необходимо определить отношение к ним сознательных анархистов.

В области хозяйственной, успех революции определится прежде всего тем, в каком состоянии будет в этот момент находиться кооперация. Посмотрим же, что такое кооперация.

Кооперация в ее современных формах возникла в 30-х годах XIX-го столетия. В течении нескольких десятилетий она развивалась довольно медленно, с продолжительными остановками и отступлениями назад, но когда она выработала свои нынешние совершенные формы и достаточно окрепла, то дальнейшее развитие ее пошло вперед гигантскими шагами. Кооперация мало по малу охватывает весь мир, даже самые отсталые и некультурные страны; она проникает все стороны хозяйственной деятельности, создает тысячи заводов, складов, мастерских, фабрик, заводов, даже рудники, железно-дорожные и пароходные линии. Все эти бесчисленные предприятия создаются по инициативе свободно возникающих групп трудящегося народа, находятся целиком в руках народа, служат интересам на-

рода.

В этих народных хозяйственных объединениях, капитал не имеет никакой силы, никакой власти, никакого значения; в них на первое место выдвигается человеческая личность, ее труд и ее интересы. Стремление к прибыли, отличительная черта всех предприятий капиталистического характера, отсутствует; их цель — не прибыль, не нажива, а удовлетворение потребностей.

Бок о бок с капиталистическим хозяйством в самых недрах капиталистического общества возникает новая форма хозяйства, в основе своей противоположная ему, новая система производства и распределения, вдохновляемая не интересами частных лиц и групп, а интересами широких народных масс. Когда-то П. А. Кропоткин мечтал о такой политической экономии, которая будет исходить не от частных интересов производителей, подобно нынешней, а от интересов потребителей, т. е. всего общества. В лице же кооперации мы имеем уже нечто большее чем наука, которая могла бы дать нам указания по вопросу о том как перестроить народное хозяйство в интересах всего народа — мы имеем уже целую готовую систему социалистического хозяйства, далеко опередившую и науку и социалистическое движение.

Система эта выросла без шума и без барабанного боя, в самых недрах рабочих и крестьянских масс в то самое время, когда "социалисты" брали ли утопистами ее вдохновителей (Фурье, Оуэна и др.), а сами, на место их "утопий" изобретали только карикатуры на социализм, в виде казарменного быта и государственного деспотизма подкрашенных красным цветом революционного социализма. В течении целых десятилетий, на национальных и международных съездах социал-демократии кооперацию понимали как буржуазную выдумку, как пустую и вредную мечту, и только когда кооперация достигла таких колоссальных размеров и такой популярности в рабочих массах, что прежнее отношение к ней могло вызвать (и кое где уже и вызвало) раскол в социал-демократической партии, то на этих самых съездах пришлось раскланиваться перед нею и принять меры к тому,

чтобы использовать ее огромную материальную мощь в интересах партии. Но, пока что, это последнее удалось сделать только бельгийской соц.-демократии, превратившей бельгийскую кооперацию в свою дойную корову.

Кооперация развивается вопреки препятствиям, которые ей создавали социалистические партии, и не взирая на все старания социалистических партий приостановить ее развитие путем систематического извлечения из нее доходов в пользу партий. И такое отношение авторитарного социализма к кооперации — отнюдь не есть ни случайность ни простое желание усилить за ее счет свои финансовые средства. Ознакомьтесь с яростными нападками социал-демократов на кооперацию со времен Лассалья и до Каутского, и вы с удивлением спросите себя: откуда берется столько страсти и столько яда против таких безобидных объединений, которые политической не занимаются значит конкурентами не являются, а только тихо и смиренно торгуют себе мылом, спичками и мануфактурой? Но дело в том, что социал-демократы давным-давно разгадали то, о чем долго не догадывались и сами кооператоры, а, именно, что: широкое, всеохватывающее развитие кооперации делает ненужным и немислмым государственный социализм и все что с ним связано — парламентарную борьбу (и министерские портфели), захват власти, диктатуру и т. д., что самостоятельность народа делает ненужными и невозможными всяких там руководителей, вождей и правителей.

В самом деле, разве не утопия мечтать о захвате власти и об организации социалистического производства и распределения путем правительственных декретов и на началах государственной централизации и бюрократизма, когда народные массы, рабочие и крестьяне, сами непосредственно организуют и то и другое с таким блестящим успехом, о котором социалисты и мечтать не смеют? Разве не ясно, что если к моменту социальной революции народные массы будут иметь в руках достаточно мощный аппарат кооперации и достаточно количество подготовленных людей (кооператоров) для управления всею промышленностью и всею торговлею на кооперативных началах, то всякие попыт-

ки к государственной организации социализма встретят только дружный хохот и надлежащий отпор? Развитие кооперации, это — смертельный удар всем бредням социал-демократии, это крушение всей социал-демократической программы.

Какой же смысл имеет развитие кооперации для нас, анархистов? Увы, и мы по отношению к ней оказались грешными — слепотою. Пока мы мечтали и писали о том времени, когда расцветет личная инициатива и возникнут самостоятельные группы коммунистов, которые организуют производство и распределение на новых началах, эти группы выросли вокруг нас, пышно расцвели, организовались в вольные национальные федерации и приступили к совместной деятельности в международном масштабе. Но мы их проглядели. Прочтите то, что сказано в нашей литературе о неизбежности возникновения таких свободных группировок в момент революции, и сравните это с тем, что происходило в России в начале революции, и вы увидите, что и мы долгое время занимались только пошлою маниловщиной, что от жизни и ее запросов мы находились на противоположном полюсе — и тогда вы поймете почему анархизм проявил столько безсилia в русской революции, почему эта революция повернула не туда, куда следовало, и почему многие анархисты и теперь еще не знают какое дать практическое применение своим принципам и своим силам. А между тем, если мы внимательно приемотримся к современной кооперации, если мы вдумчиво последуем ее основы с точки зрения наших идей, то мы неизбежно увидим, что кооперация, это — не что иное, как осуществление жизнью наших заветных принципов и идеалов. Те "свободные группировки" от которых отдает таким пошлым фантазерством, когда мы их приурочиваем к тому моменту, о сущности которого мы до сих пор не имели представления — к моменту революции, становятся живою реальностью, воплощением нашего идеала, живым зародышем будущего строя, когда они возникают под требованием самой жизни, когда они нужны рабочему народу сегодня же и еще сегодня же приносят ему материальную и духовную пользу — в виде свободных, самоуправляющихся и самонабжа-

ющихся кооперативных организаций.

В лице кооперации, принципы анархизма торжествуют в области экономических отношений; в ее лице, социалистическое хозяйство организуется в недрах капиталистического общества — на началах анархизма, и это дает нам уверенность в том, что социальная революция явится преддверием именно анархического строя. Эта уверенность тем более уместна, что до сих пор все попытки социалистов организовать хозяйственную жизнь на иных началах давали либо материальный крах, либо поворот к капитализму — такова была судьба и производительных товариществ, и коммунистических колоний, и "национальных мастерских", и всяких муниципализаций, и всех опытов государственного социализма. И только кооперация, построенная на началах полной свободы, совершенного самоуправления, конфедеративного объединения и полного отсутствия власти и подчинения — растет, ширится, развивается, крепнет и стремится охватить все человечество.

Правда, мы, анархисты, в развитии кооперации неповинны; не нашими усилиями она зародилась, не наша деятельность лежит в основе ее развития. Это свидетельствует о слабости и малосознательности нашего организованного движения, о недостаточной связи его с жизнью, и, наконец, о нашей малодетельности.

Кооперация есть всецело создание народных масс; ее выпирает наверх сама жизнь, она — органический продукт социальной эволюции. Но в этом и заключается величие, торжествующих в ее лице анархических начал: никто их не сеял, никто не рстил, и, без всяких искусственных мер и стараний, без насилий, без агитации, без программы, резолюций и постановлений выросло грандиозное дерево кооперации, под пышной сенью которого за каких нибудь пол-столетия приютилось более 200 миллионов трудящихся. Миллионы людей, работая на ниве кооперации, бессознательно готовят социалистический строй на анархических началах — притом подавляющее большинство этих людей не только не анархисты, не социалисты, а многие-многие из них ярые враги социализма, искренно воображающие, что кооперация предупре-

ждает социализм и является громоотводом для революционной энергии.

Нас, сознательных анархистов, — не много. Но истинная сила и значение анархизма — не в размерах сознательного анархического движения, а в том, что сотни миллионов людей, гораздо раньше чем столкнуться с анархическими идеями, применяют на практике анархические начала в своих исканиях более высоких и разумных общественных отношений. Это показывает, что наши учителя были правы, когда из комплекса социальных идей выделяли идею анархизма и закрепили нам ее как путеводную звезду.

Итак, кооперация это — зародыш анархосоциалистического строя будущего, который, в силу социальной эволюции, развивается в недрах буржуазного общества. Следует ли из этого, что мы должны стоять в стороне от нее, предоставить ей развиваться далее без нашего воздействия? Конечно нет. Чем больше развивается кооперация, чем больше растет масса ее членов, чем больше определяется связь кооперации с социальным движением нашего века и с грядущей социальной революцией, тем более настойчиво требуется участие сознательных анархических элементов и воздействие разработанной анархической этики и анархического идеала.

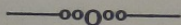
В повседневной работе кооперации — много темных сторон. Тут мы встретим и противопоставление личных интересов общественным, и неядальновидную жадность (напр., "дивидендную болезнь"), и попытки захвата власти и подавления воли массы, и нечестность или нерадение должностных лиц, и недостаточное внимание к духовным запросам, и старание авторитарных партий использовать движение в своих корыстных целях, и гнет правительственных мероприятий, и ожесточенное противодействие буржуазии и косность масс, инертность членов и не разработанность кооперативных теорий, блуждания, ошибки, злоупотребления — длинный ряд зол, передко ведущих к моральному и материальному краху, встретим и недостаточное развитие кооперативной сети, отсутствие кооперации в тысячах мест, где она до крайности нужна. В борьбе с бесчисленными невзгодами кооперации, кооператор, свя-

занный предрассудками старого режима, сбитый с толку авторитарными обычаями окружающей его среды, с трудом находит истинный путь. Вот здесь то и требуется сознательная поддержка просвещенного анархиста — ибо только анархист сумеет в каждом вопросе, при каждом затруднении найти то именно решение, которое наиболее соответствует истинно кооперативным началам, началам анархизма.

В рядах кооперации каждый анархист найдет непосредственное применение для своей энергии: в качестве простого члена, он будет охранять права кооперативной массы и своим примером воспитывать в массе самодисциплину, т. е. умение подчиняться требованиям необходимости без всякого ущерба для своей воли и свободы; в качестве должностного лица — он явит собою

пример руководителя, чуждого властолюбивых стремлений; в качестве инструктора — он будет раздвигать рамки кооперации и высоко держать ее идейный факел; в качестве писателя — он разработает ее теорию, выяснит смысл и революционное значение движения. И в качестве чего бы он ни участвовал в кооперативном движении, он будет всегда охранять чистоту кооперативной этики, будет всегда бороться против всех попыток внесения в кооперативную работу чуждых и губительных для нее авторитарных начал.

Товарищи, кооперация ждет вас; а кооперации нужны все живые, все активные силы современного анархизма, ибо она обеспечивает торжество анархического идеала.

ИГРА С ОГНЕМ.

Автономов.

Идея, если не всякая, то по крайней мере та, которая "принимается" на житейской ниве, проходя известную эпоху, неизбежно складает свой отпечаток на общую совокупность вещей, — с одной стороны, а с другой — сама покрывается некоторым налетом, составляющим в конечном счете характерную особенность данной эпохи. Хотя значение последней части данного положения следует понимать в порядке чисто внешнего свойства, так как в процессе взаимодействия идеи и жизненных условий последние в большинстве случаев являются безвольными и бесхарактерными и реагируют на действия идеи часто так, как реагирует цветочная пыль на действия забравшегося в цветок насекомого, — тем не менее налет, хотя бы и на лицевую сторону идеи, иногда может достигнуть такой степени, что под его влиянием не только оттенится основная сущность идеи, но иногда может произойти известный уклон в сторону от того пути, по которому идея развивается. Решающая роль в подобных случаях, конечно, зависит от мощи и силы идеи: чем сила идеи значительнее, тем меньше подвержена она различным случайностям и уклонам на пути своего развития, и наоборот.

Не исключение из этого правила, повидимому, и идея анархизма. Несмотря на свой "антиподный" характер, несмотря на полную отличительность заданий, несмотря на совершенно новый подход и приемы в разрешении жизненных проблем, — дух времени, темп момента все же заметны на лицевой стороне анархизма на протяжении всей его истории. Быть может это отражение не так велико, не так грузно, как в случаях с иными идеями, но оно чувствуется, оно видно. Всякий отдельный период развития анархизма логически открывает полную панораму той эпохи, к которой он относится. Всякий тактический прием, всякий изгиб в методах действия имеет логическую связь с окружающими условиями.

С одной стороны, это делает значительную честь анархизму, так как этим выбивается последняя опора у того ходячего мнения, согласно которому анархизм — утопия, беспочвенность, оторванность и т. п. — наоборот, такая "чувствительность" к окружающим условиям с особой силой подчеркивает, что анархизм — идея вполне "земная", жизненная и практичная. Но с другой стороны, здесь таится начала чрезвычай-

но опасных последствий: слишком яркое отражение окружающих условий способствует проявлению увлекательных наклонностей блеском этих успехов, что в конечном результате ведет к подмене широты и многогранности идеала узкой злободневщиной.

Приходилось ли анархизму на протяжении своей истории испытывать явления последнего характера и, если приходилось — часто ли, — в данном случае не входит в круг уяснений; но, глядя на вещи открыто и трезво, следует согласиться, что анархизм наших дней находится в полосе подобных явлений. Малейшее знакомство с состоянием нынешнего анархизма доводит до очевидности, что анархизм в настоящее время не только вплотную подошел к жизненным условиям, но в некоторых случаях совершенно слился с последними, вполне растворился в котле современности. Из двух отличительных, в корне неодинаковых понятий — идеала и данности получилась в таких случаях какая то общая серая туманность. И профилировать эту "массу", разрезать ее жезлом Моисея на ее составные части, — задача в высшей степени трудная. Да, собственно говоря, такая задача и не ощущается совершенно при подобном состоянии вещей. Все берется — как будто так и следует — оптом, огулом, одной черпалкой; все ставится на одни весы: и булыжник и жемчуг... Никакого различия, никакой обусловленности... Если же последняя и случается, то выходит нечто шиворот-навыворот: вместо оценки данности с точки зрения идеала, оценивается идеал с точки зрения данности.

Жемчуг определяется весом и размером булыжника...

Каких результатов можно ожидать при подобном состоянии вещей, — говорить много не приходится: во-первых, это само собой понятно, а во-вторых, живые примеры об этом свидетельствуют. Когда в 1914 г. немцы густыми колоннами двигались к Парижу, некоторые анархисты считали своим долгом брать штык и колоть те тонов, — и считали больше всего потому, что на все смотрели сквозь очки злободневщины. Когда в России происходила борьба за обладание государственным аппаратом, некоторые ана-

рхисты считали своим долгом "вместе бить..." — и считали опять таки больше всего потому, что вся суть представлялась им в "сегодня". О подобных явлениях меньшего размера, — например, некоторой шероховатости в вопросе о национализме, склонности к оппортунизму и т. п., — уж и упоминать не следует.

А ведь это только одна сторона, — сторона действий — внешних проявлений и преходящих эпизодов — и, на наш взгляд, не первостепенная. Центр тяжести, по нашему мнению, заключается в иной области, — в области теоретических обоснований. И если обратиться к этой последней, то на печальном фоне картины краски сгустятся с сугубой силой. Теоретические обоснования анархизма наших дней только номинально анархистичны; в действительности же процент анархистичности значительно уступает проценту данности. Во всех выводах, во всех построениях последняя преобладает над истинными заданиями анархизма. Идет ли речь о сущности анархизма, касается ли дело его задач, говорится ли о методах, — везде применяется аршин времени, везде господствует цена дня. Иной оценки, иного определения как будто и не существует, как будто и не нужно... И в результате такого соотношения сил бесплодный ветер момента властно раз'едает подлинный, коренной дух анархизма.

Первый плод этого раз'едания — увеличение — как количественно, так и в объеме — величин Фомы. Чуть ли не все позднейшие статьи некоторых теоретиков анархизма пропитаны этим веянием, пронизаны холодом и безверием (не говоря уже о тех теоретиках, которые совсем замолкли). Правда, проявляется это иногда с совершенно противоположной стороны, — не в виде сомнения, а в виде укрепления, — но в сущности это одно и то же, ибо укрепление возможно только при наличии упадка.

Помимо отдельных индивидуальных случаев, дух Фомы успел также охватить и целые коллективности. Переходный период, "синтез" сил и друг. — все это в конечном счете дух Фомы.

Когда человек под влиянием страха боится идти лесом, то у него появляются два плана:

идти опушкой, краем леса, или соединиться с другими и идти толпою. То же и здесь. Сильное увлечение данностью отодвинуло, загуманило истинную суть анархизма, а с отдалением последней неизбежно родилось сомнение в ее мощь и, как и всегда бывает в таких случаях, ощутилась острая потребность в вспомогательных средствах. Одни эти средства узрели в частичном достижении — идти опушкой, чтобы не терять из виду старого; а другие — в "синтезе" сил — кто с ломом, кто с вилами, кто с топором — и валить облавой, да еще побравшись за руки, ибо слишком боязно остаться одному.

И что бы сторонники этих новоявлений ни говорили, в каких бы одеяниях они своих теорий ни выставляли, — в сущности все это не что иное как самое наглядное отражение одной из особенностей нашей эпохи: — духовного упадка, т. е. скептицизма. Господствующий в наше время полу-мистический, полу-скептический лозунг "назад к востоку", благодаря тесному слиянию анархизма с данностью, сравнительно легко проник в анархические ряды и породил разные постепеновщины да "синтезы".

Это, как было отмечено выше, первый плод слишком тесного слияния анархизма с данностью. Вторым плодом следует признать сильное увлечение служебными средствами. На этом последнем необходимо остановиться несколько подробно.

Всякая цель, как известно, достигается при помощи тех или иных средств. Это так общеизвестно, что цель без средств — явление фантастическое, равно как и средства без цели — что-то хаотичное, абсурдное. Для полноты и грациозности картины необходимо наличие того и другого. Однако эта необходимость — только необходимость, — правда, логическая, но не больше этого. Она не является каким-то непреложным законом "его же не преидеши"; и вследствие этого иногда нарушается.

Часты ли эти нарушения или нет, — не важно, конечно, но факт тот, что средства, выполняющие при нормальной ситуации вещей чисто служебные функции, могут иногда, под влиянием тех или иных обстоятельств, стать центром влияния.

В настоящее время именно подобное явление и входит в число характерных особенностей нашей эпохи. Как результат духовного упадка и отсутствия вдохновляющих принципов, в полном смысле этого слова, современному обществу непосильны так называемые конечные цели (понимая под конечностью не конец, а постоянную отдаленность, заставляющую нас непрерывно стремиться все вперед и вперед). Но с другой стороны, так как жизнь все-таки движение, хотя бы и на месте, то, естественно, нельзя быть без всяких целей. Поэтому то роль последних и заняли чисто служебные средства.

Особенно выпукло отличается в этом отношении так называемая грубая сила; на ее долю приходится самые крупные плоды от перемещения центра тяжести.

Всякая сила, как известно не заключает в себе ничего целевого, особенно в социальном значении этого термина. Ее назначение — служить, облагораживать — и только. Тем не менее "в наше время, когда..." наблюдается обратное. Несмотря на то, что уже давно была провозглашена истина, что для культурного человека не совесть производное страха, а страх производное совести; несмотря также на то, что эта истина на тысячи ладов пересказывалась и пересказывается и что она в торжественные дни и пышные моменты всегда красуется на фасадной стороне здания современной цивилизации — однако в самом здании происходит противоположное: не совесть над страхом, а страх над совестью; не совесть ведет на поводу страх, а страх — совесть. Каждый совершает или не совершает те или иные поступки не согласно велению совести, а сообразуясь — влетит ли данный поступок наказание или нет. Если наказания не предвидится, то поступок в большинстве случаев совершается самым обыденным образом, независимо от того, есть ли к этому душевные позывы или нет. И наоборот: если наказание предвидится, то поступок чаще всего не совершается, хотя бы к этому были самые глубокие душевные позывы и влечения совести. (Здесь речь идет об общей линии, не касаясь отдельных проявлений).

Это одинаково относится как к узкому обы-

вательскому кругу, даже тесному семейному обществу, где родители если не бьют своих детей то не потому, что побои приносят вред, как физический, так и моральный, а потому, что запрещено законом, — так и к самым широким, самым общим вопросам. Чувство страха, с одной стороны, и чувство его отсутствия — с другой, везде и всюду являются последним словом. Иначе говоря, грубая сила служит конечной канвой во всех — начиная от самых малых и кончая самыми крупными — социальных отношениях, ибо страх в конце концов обуславливается грубой силой: одним она его нагоняет, а других освобождает, вследствие чего и становится тем фактором, к которому незримыми нитями стекаются все чаяния и надежды.

Говорить о ненормальности такого положения не приходится: во-первых, об этом говорят бесчисленные факты, как результат такого положения; во вторых, об этом же говорит сам факт, т. е. само положение, как таковое. В последнем случае заключается особая важность, особая значительность, но об этом речь будет ниже; теперь же лишь отметим, что эта ненормальность, эта "бисмаркщина" присуща не только тем, кто за нее упорно держится, но она в том или ином виде просачивается и в ряды тех, кто фактически борется против нее, — в том числе и в ряды анархистов, даже быть может в особой степени, ибо анархизм по своим заданиям слишком открыт для этого. Задания других течений — только половина, треть, четверть общего задания, поэтому осуществление их возможно даже при одной лишь легкой артиллерии; задание же анархизма — полновесно, "тяжело", следовательно и средства для его осуществления должны быть "тяжелые". Поэтому неудивительно, что грубая сила, при помощи которой с поразительной легкостью перебрасываются горы и переливаются реки на социальном архипелаге, так сподручна, так прельстительна анархизму. Она как бы сама собой напрашивается, сама собой ластится и льнет к рукам, — бери только и лобызай...

И, надо сказать, что анархисты не раз ее лобызали, не раз ею увлекались, не раз возлагали на нее свои упования. Романтическая струнка к этим ангельским глазкам со змеиным жа-

лом заметна на протяжении всей истории анархизма — от начала и до наших дней. События последних лет, а русская революция в частности, раскачали эту струнку с особой силой; ее аккорды полились довольно громко, создавая тем самым впечатление о всеобщности и всевечности ее характера. Впечатление это, конечно, искусственно, ибо хотя главным его козырем и является опыт последних лет, но делать на основании этого опыта всеобщие, как во времени, так и в пространстве, построения, все равно что опыт жителей какого нибудь Якутского поселка класть в основу поведения, скажем, английского парламента. Опыт, как таковой, может быть безусловным и безоговорочным лишь относительно того места и времени, где и когда он происходит. В ином же месте и в иное время он нуждается в известной условности, в известных оговорках. Иначе получится самое открытое насилие над действительностью или выйдет чудовищный комизм.

Внимания однако на эту сторону, несмотря на ее существенную важность, не обращается: некогда, заняты... Опыт (впрочем, опыт не как сущность, а как форма), в его целом объеме, в его полном весе продолжает позировать в роли натурщика. Лепят, ваяют... Каждый старается схватить как можно полнее, каждый старается передать как можно точнее. Вперед, впереди все спешат быть как опыт... Мода и подражание, оказывается, присущи не только покрою и цветам платья, но решительно всему. Все и все стараются быть "как все", "как опыт"...

И вот это "как все" приводит к тому, что... если буржуазия властвует благодаря миллионным армиям, если большевики уселись в Кремле благодаря красной армии, если Махно провластвовал несколько месяцев в Гуляй Поле благодаря армии... то — анархисты достигнут своей цели благодаря черной армии. Вот к чему ведет эта своеобразная Тардовская теория подражания и копирования с опыта. И, само собой понятно, раз течь устремилась в известном направлении, то она логически идет до конца... раз вся суть в черной армии, то уже проектируется ее состав, форма, обучение, команда, стрельба и т. д.

Не станем останавливаться на форменной стороне этого своего рода юнкеризма; не станем доискиваться — лучше ли выборное или назначенское командование; не станем уяснять — лучше ли обучаться стрельбе в лесу или в подвалах; не станем взвешивать — лучше ли привыкать ходить в ногу во время уличных парадов или в танцевальных залах... — отметим лишь вопрос по существу.

Никто, разумеется, не станет оспаривать, что при помощи черн. армии анархисты смогут достигнуть победы. Это такая простая истина, что отрицать ее больше чем нельзя. При помощи армии, собственно говоря, всегда достигались победы; смогут, следовательно, достичь ее и анархисты. Но... только достичь: не больше этого. И если бы все сводилось к одному только достижению, то дело было бы очень просто; но суть в том, что одним достижением задача не исчерпывается, что здесь встают два неумолчимые вопроса: какой ценой достижение будет куплено и что станет после достижения.

На первый вопрос можно еще, скрепя сердце, закрывать глаза, особенно принимая во внимание, что цена будет обоюдосторонняя (на войне ведь бывают жертвы всегда с обеих сторон); но второй вопрос никем образом этого не допускает. Его нельзя разрешить мимоходом, по верхушкам, — он стоит во весь рост и неустанно требует: — будет ли свобода, равенство и братство после победы бронированной черной армии. И в самом деле, будет ли все это? Допуская наибольшую долю наивности, надевая самые лучшие оптимистические очки, все же нельзя решиться ответить на это утвердительно. Обыкновенная логика говорит, что побежденная буржуазия, и побежденная в минуты состояния наивысшей свирепости, не растворится, не сольется с анархизмом. Она останется в стороне, вне анархизма. Она будет лишь побеждена, но не расплавлена.

Вулкан, следовательно, будет лишь закупорен, но не потушен. И для того, чтобы оградить себя от постоянной опасности нужно будет или истребить всю буржуазию, или установить над ней строгий контроль.

Первое средство более чем не вероятно, ибо при одной лишь мысли о нем кровь в жилахледенеет; скорее всего возможно применение второго метода. Буржуазия будет взята в так называемые ежовые рукавицы; каждый ее шаг, каждый поступок будет строго контролироваться. Чем это ознаменуется, предвидеть нетрудно. Там, где контроль, там и нарушение контроля: без этого ведь контроль теряет свой смысл. Ослушники в стане побежденных в силу этого обязательно найдутся; их, следовательно, придется наказывать. На этой же почве неизбежно вырастут суды, судьи, прокуроры, адвокаты, тюрьмы, ссылки и т. д. Быть может все это будет не похоже на нынешние подобные институты, но ведь этим только будут повторяться слова Крыловского крестьянина: — "хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же". Выигрши, следовательно, в этом отношении может быть незначителен.

Благо, если бы общество состояло только из двух групп: анархистов и буржуазии, — дело значительно упросталось бы, — но фактически ведь этого не может быть; фактически промежуток между анархистами и буржуазией заполнен значительной "промежуточной" частью общества. Это последнее обстоятельство, т. е. "смешанный" характер общества, создаст самые сильные затруднения в контроле над буржуазией, — как это и всегда бывает в подобных случаях. Дело к концу концов до того перепутается, до того переплетется, что в число виновных будут попадать и невинные, а к стану буржуазии будут приписываться и не буржуа. Это роковое последствие всякой юриспруденции. Любой учебник права может быть свидетелем, что точных строго-отшлифованных правил в этой области нет; а судебная практика подтверждает это.

Как будут себя чувствовать, что будут думать те, кого будет касаться надзор, — об этом уже и говорить не приходится.

Это одна сторона — политическая.

А если обратиться к тем пепелищам, к тем пожарищам, которые неизбежны в подобных случаях... (не говоря уже о костях, слезах и крови). А если черная армия вынуждена будет маршировать под звуки барабана несколько лет в вихре гражданской войны... Какие же плоды в

этой области дадут пушки черной армии? Не будет ли это напоминать Андреевского голого человека на голой земле?

Если на последний вопрос и приходится отвечать отрицательно, то в худшем смысле. Человек, в собственном смысле этого слова, и земля — это еще не так плохо; при наличии человека и земли — все возможно, все открыто. И война не ограничивается такими сравнительно светлыми явлениями. Последствия войны — не голая земля, а земля черная, потрескавшаяся и в дыму, и не человек, а зверь бродит в этом дыму. Это естественный и самый первейший результат всякой войны. Война бьет не только тех, на кого направлены пушки, но и тех, кто стреляет из них. Каждый снаряд, в конечном счете, состоит из крови, пота и народной силы; каждый патрон, в последнем анализе, начинен молоком, предназначавшимся для малютки. И стрелять этими снарядами, значит, стрелять народной кровью и потом, значит, общим добром и жизнью малюток разрушать другое добро, уничтожать другую жизнь. Из общего кошмара войны не образуется ни малейшего вознаграждения, никакого возмещения, — одна сплошная трата и трата, как с той, так и с другой стороны. Гибнут люди, бьются вещи, рвутся те незримые провода, по которым бежит жизненный ток, да и сама жизнь замедляет, затихает, прячется куда то. Все гибнет, все тратится, но ничего не рождается.

Впрочем, если опыт последних лет теперь в моде, то отчего же быть односторонними, почему не взглянуть на опыт и с другой стороны, — со стороны первых плодов победы? Ведь это так же возможно, так же логично, как и в первом случае; ведь это тоже опыт.

Что в самом деле говорит опыт в этом отношении? Какие плоды, какие следы оставила победа? Сыто ли ели, сладко ли пили народы после победы? Плавно ли шумели колеса машин и неслась ли дружная песня работы?

Отвечать на эти вопросы даже начинать не приходится, ибо, кроме ужаса и дикого хохота дьявола ничего не окажется. Всюду — кладбище, кладбище и кладбище. Даже ад прежнего порядка казался раем на этом сплошном кладбище.

Думать, что это — результат партийной политики, — можно лишь отчасти. В общем же главная суть не в партийной политике, а в самой природе вещей. Можно смело предполагать, что, будь на место большевиков иная партия, — Россия испытывала бы то же самое (конечно, при совокупности тех же обстоятельств и при применении тех же методов).

Это неизбежное явление во всех тех случаях, где решающим фактором является штык и картечь, независимо от того, кто ими владеет. Пушками ведь никто не пашет полей, а саблями нигде не косят травы... Их назначение — разрушать и разрушать.

И нет сомнения, что черная армия не окажется исключением из этого. Ее ядра так же будут сеять не жизнь и творчество, а смерть и разрушение, как и ядра других армий. Она будет оставлять такие же кровавые и страшные следы, как и следы других армий. Первым плодом ее побед будут такие же дымящиеся головы и зияющие руины, как и в подобных случаях с другими армиями.

Хотя анархисты теоретически и не считают экономической стороны единственной основой, как это делают, например, марксисты, тем не менее практически задача анархистов в этой области очень сложна и ответственна. Признав своим девизом довольство для всех, анархистам, естественно, необходимо будет выполнить этот девиз в самой строжайшей точности, — иначе будет не анархизм, а шулерство. Но какое же может быть довольство для всех, если кругом будут пепелища и груды обломков? Тут не только о предельном довольстве, но даже о самой минимальной необходимости приходится думать с опасением...

Это другая сторона — экономическая.

Третья сторона — духовная. Всем известно, что каждая так называемая коллективная единица, отличается от других не только занимаемым ею в обществе положением, но и своим духовным складом. У каждой коллективности, наряду с общими, всем присущими чертами, есть черта чисто специфического характера, — черта, которой у других нет.

Эта специфическая черта есть и у армии.

Армия, как и всякая коллективная группа, выделяется на общем социальном фоне не только своим внешним видом — формой одежды, умением стрелять, маршировать и т. д., но и своим внутренним складом, своим духом. Дух армии — дух особый. И человек, попадая в атмосферу этого особого духа, неизбежно им проникается. Кто бы он ни был, откуда бы он ни пришел, не став солдатом, он перерождается. Казарменная жизнь и оторванность от прежних занятий перестраивают струны его души на новый лад. Начинаются новые песни, новые веяния.

Одной из характерных черт армейской жизни является ослабление тех внутренних тормозов, которыми обыкновенно регулируются поступки человека. Происходит это вероятно вследствие общего распыления личности, как таковой. Человек в армии, как известно, обезличивается, становится безвольным, не свободным, и отучается от самостоятельного, вдумчивого и сознательного самоконтроля. Впрочем, это не так важно, но факт тот, что распушенность и озорство — такие же махровые цветочки армейщины, как отвага и мужество. Для солдата зачастую считается пустячным делом то, что у обыкновенного невоенного человека вызывает глубокое угрызение совести.

Пока время не военное, пока пружины дисциплины находятся в полной натянутости, эта солдатская "позволительность", это отсутствие самоконтроля, не имеет большого выхода. Но в военное время, когда прочность и твердость поколеблены и когда каждый ежеминутно ожидает смерти, распушенность солдатская проявляется с особенной силой. Жители тех сел (а женщины в особенности), где проходят солдаты, прекрасные знают истинный дух солдатчины.

Вполне понятно и возможно, что анархическая армия по своему составу коренным образом будет розниться от остальных армий, — но все же она будет армия, все же ее основная задача будет та же, что и других армий. И от этой основной задачи, как дым от огня, могут взвиться незримыми лентами и все прочие качества армейщины. Здесь есть что-то такое роковое, над чем даже сознание не всегда властно. Разговоры солдат, записанные в минувшую вой-

ну С. Ф. — русской сестрой милосердия, очень характерны в этом смысле. Солдаты рассказывают друг другу как они, живя в деревне, ципленка не могли спокойно убить, а здесь, на войне, убить человека — что плюнуть. Даже больше: является какое-то удовольствие терзать штыком еще живое человеческое мясо... Ткнул... да и повертел штыком...

С точки зрения той обстановки, в какой это происходит, оно и понятно: солдат в момент атаки гораздо больше зверь, чем человек. Все человеческое заглушается в нем эффектом войны. И как зверь находит удовольствие в муках жертвы, так и солдат находит какое-то наслаждение в том, что заколот он, а не его.

И это отупение, это пробуждение зверя меньше всего зависит от воли и сознания солдата. Все это логический и неизбежный результат самого эффекта войны. И, само собой понятно, кем бы война ни велась — озверение неизбежно. Будет ли сражаться армия монархистов или армия анархистов — задача одна и та же: как можно шире размахнуться штыком, как можно больше перебить неприятеля.

Явление это, правда, с хронологической точки зрения представляется в условном и относительном порядке, однако с психологической точки зрения нельзя его рассматривать как что-то отдельное, обособленное. В этом отношении дух войны не вмещается целиком в узкие окопы и не исчезает с последним выстрелом; — он выходит далеко за пределы сражений; тесно вливается в общую совокупность жизненных явлений и оказывает на последние известное давление. Об этом свидетельствуют постоянные послевоенные периоды морального упадка. За каждой войной, наряду с разрухой хозяйственной, неизменно следует и разруха моральная, последняя даже в большей степени, ибо первую, хотя бы отчасти, можно компенсировать за счет победленных. Но чем вознаградить последнюю? Победой? Увы, победа не только не укрепляет, но разрушает моральную твердость.

Эта сторона военных последствий также имеет большое значение для анархистов, ибо главная опора анархизма — мораль. И если эта опора окажется хоть маленько надтреснутой,

хоть немного подкошенной — рухнет и все здание.

Четвертой особенностью армейщины следует считать авантюризм.

Нигде так скоро не зарождаются и быстро не развиваются эмбрионы авантюризма, как в армии. Армия по своему существу является не только чрезвычайно благодатной почвой для этого, но почвой — засаженной. Стоит лишь пройти теплему дождю — и розовые ростки быстро потянутся кверху. И если окажется ловкий ухаживатель, то он всегда пожнет большую жатву.

И действительно, пожинатели эти — самое обыденное явление в армии. Самый поверхностный взгляд на историю свидетельствует, что армии никогда не удавалось удерживать в стройном равновесии, а поверхностные ее всегда то тут то там вздувалась, вспыхивала. Вспышки эти, несмотря на свой демагогический характер, все же достигали иногда своего рода грациозности и красоты (эпоха Наполеона). Хотя красота и не может оправдывать подобных явлений, но и она не всегда им присуща: в большинстве случаев все авантюристические выходы, кроме пошлости и отвратительности, ничего из себя не представляли. Очень часто все это сводилось к облагораживанию самых коварных замыслов каких-нибудь честолюбцев, и выливалось в вакханалию самых грязных убийств путем заговоров. Особенно характерна в этом отношении древняя Римская Империя, где убийства императоров достигали в одно время каких-то эпидемических размеров. Впрочем, если принять во внимание какую роль играла армия в эпоху Рима, то оно и понятно.

В русской истории подобные явления известны под именем дворцовых переворотов. В других странах они тоже имели место, иногда даже на протяжении десятков лет. Останавливаться однако подробно на всех этих "пронунциаментах", как на фактах, не место в данном случае. В данном случае интересно лишь отметить все это с принципиальной точки зрения, т. е. указать, что там, где решающим фактором является армия, там возможны самые неожиданные явления. Игра с армией — игра с огнем. Не даю некоторые большевики косо поглядывают на

вождей красной армии и как бы повторяют слова Сен-Жюста: "не муссируйте величия армии". Пресыщенная армейщиной атмосфера способна в любой момент опрокинуть разные ЦК и выдвинуть на поверхность какого-нибудь Наполеона, хотя бы в миниатюре.

Отрицательные стороны, как результат войны, можно приводить без конца: можно, например, указать, что армия ложится тяжелым бременем на плечи населения, можно указать, что на войне погибает самая лучшая часть населения и "естественный отбор" регрессирует (последнее можно рассматривать не только с социологической, но и с идейной точки зрения), — но помимо всех этих последствий не лишне остановиться на одном предшествующем явлении. Явление это — борьба против современного милитаризма.

Все мы прекрасно знаем насколько вредна и опасна милитаристическая политика буржуазии для общества вообще, а для бедного населения в особенности. Все мы знаем, что милитаризм лежит тяжелым камнем на шее общества и тянет его вниз, в омут, с одной стороны, а с другой стороны — является прямой преградой всякому проявлению свободной мысли. Все мы знаем, что это чудовище служит исключительно в пользу интересов кучки паразитов, что оно — ядовитая болячка на общественном теле, уничтожение которой необходимо без всяких оговорок. Также мы прекрасно знаем, что лучшие представители человечества, светлейшие личности в обществе, всегда боролись с этой язвой, всегда бесстрашно подставляли свои славные груди под ее ядовитое жало. И мы всегда восхищались и теперь восхищаемся этой дивной борьбой... Больше того — мы сами принимаем в ней участие и гордимся этим — и не без основания. Разве не делает чести быть в рядах тех, где находятся такие славные имена, как Л. Толстой, А. Франс и другие?

Анархисты по своему существу всегда были антимилитаристами; они всегда отважно боролись на этом фронте; всегда храбро разили это стоголовое чудовище. Лучшие теоретики анархизма посвятили лучшие свои страницы обнажению милитаристического гнояника...

И вот теперь рождается вопрос: как анархисты могут бороться против милитаризма, если они сами будут являться милитаристами? У кого хватит дерзости и чья совесть позволит одной рукой делать жест против милитаризма, а другой точить меч? Да и кто, наконец, поверит, что анархисты против солдатчины, если они сами будут стремиться к созданию армии?

Ссылка на то, что анархическая армия будет отличаться от современных армий, это все та же знакомая нам история с Крыловской змеей, чему, естественно, никакой "крестьянин" не поверит.

Придется, следовательно, или прибегать к самому обыкновенному лицемерию, или выписаться из рядов борцов против милитаризма. В том и другом случае анархизму будет нанесен огромный удар...

Таким образом, анархисты своим военным увлечением могут предлагать нечто вроде сизифовой работы, т. е. поднять тот камень, который упадет на их же головы, и упадет еще до осуществления анархизма. Иными словами говоря, анархисты, увлекаясь военщиной, могут сами же помешать осуществлению своего идеала.

Какой же однако из всего этого может быть вывод? На первых порах вывод как будто сам собой определяется, — это "толстовство". Однако "толстовство" в данном случае будет лишь противоположной крайностью. Отказываться держать в руках ружье быть может и хорошо, но возводить этот отказ в культ, считать его единственным средством, так же не следует, как не следует считать ружье — всем, всецело на него уповать и только ему молиться. Поэтому нет смысла отрицать одну крайность ради другой. Лучше всего избирать самый широкий и самый многообразный путь. Этому пути следует и в данном случае держаться.

Очень возможно, что анархистам не удастся избежать грубой силы (и не в этом суть дела), но обоготворять ее, исключительно на нее полагаться — не дело анархистов, да и не заслуживает она этого. Уже в наше сравнительно мрачное время грубая сила не является убедительным доводом. Хотя она все еще фигурирует в роли регулятора и определителя общественных отно-

шений, но фигурирует не открыто, как это бывало прежде, а прикрываясь каким-нибудь фиговым листочком. Фасадная сторона здания очень тщательно разукрашивается в розовые или голубые цвета... Это прикрытие, эта драпировка и "мягкие" цвета лучше всего свидетельствуют, что грубая сила переживает последнюю стадию своего существования. Она еще может действовать, и действовать довольно решительно, исподтишка, из под полы, но выступать открыто не может. Малейшее открытое действие вызывает, вместо обычного страха, возмущение, вместо убедительности — ропот. И маскироваться приходится по неволе.

Этим "рабским" положением грубой силы и подчеркивается, как преклонность ее возраста, так и ненормальность жизненного уклада, в котором она фигурирует, о чем было отмечено выше.

Но если грубая сила, в ее неприкрытом виде, не является убедительным доводом даже в наше время, то с точки зрения анархизма она теряет всякую убедительность. Положение, что только дикари доказывают свое право силой, обретает в свете анархизма истинный смысл. Анархизм для доказательства своей правоты меньше всего нуждается в силе и его осуществление меньше всего зависит от пушек. Если грубой силе и суждено проявиться в осуществлении анархизма, то это проявление должно носить характер самого минимального вспомогательного средства. Главная же сила анархизма в другом...

"Защитники современного общественного строя владеют безграничной собственностью, их доходы исчисляются миллионам и миллиардами, все могущество государства с армией чиновников, солдат, полицейских, судебных властей, весь арсенал законов и приказов... — все это на их стороне. Что же могут противопоставить всем этим организованным силам анархисты?... По видимому — ничего. Без денег, без армии — они несомненно оказались бы побежденными, если бы не являлись представителями идейной и нравственной эволюции. Они сами по себе (в сравнении с силой их противников) ничто, но за них развитие человеческой инициативы... логика событий оправдывает их и продвигает вне-

ред... *)

Вот в чем заключается главная сила анархизма: в ходе событий. Осуществление анархических принципов предreshено самой логикой

*) Э. Реклю. "Избранные Сочинения" стр. 56
Книгоизд. "Гол. Труда" П.—М. 1921.

АССОЦИАЦИОННЫЙ АНАРХИЗМ.

(КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК).

В апрельских номерах "Американских Известий" появилась статья Ф. Кремера об ассоциационном анархизме Льва Черного. Я нахожу излишним писать в данном случае специальный ответ Ф. Кремеру, так как этот ответ он найдет вероятно в моем общем очерке, посвященном этому вопросу. Я ограничусь поэтому только двумя замечаниями общего характера, не относящимися, в частности, к затронутой теме.

Автор вышеупомянутой статьи находит почему то, что в наших рядах происходит какое то распыление сил, происходит, если только так можно выразиться, какой то идеологический разброд. Лично же я не вижу в нашем движении ни разброда мысли, ни распыления сил. Если Кремер имеет в виду разных синдикалистов, то никто из анархистов никогда и не думал о возможности совместной с ними анархической работы. Что же касается объединенных анархистов, которые, насколько мне известно, только и говорят об этом распылении, то я несколько не верю в их грандиозные замыслы объединить разные анархические течения. Не верю потому, что эти "объединенцы" пытаются создать **новое** течение в анархическом движении, стараясь превратить его в какое то **главенствующее** течение. В своей работе они могут достигнуть, конечно, некоторых практических результатов, но это будет объясняться уже, очевидно, только "теоретической слабостью" некоторых товарищей. Это, ведь, не анархисты вообще, а новая анархическая секта, которая, строго говоря, совсем и не стремится к этому объединению. Объединение их заключается в следующем: объединяйтесь вокруг нас!

вещей, и нет надобности увлекаться, хотя бы и выпуклыми, но все же чисто служебными средствами. Не солдат готовить из не солдат, а не солдат — из солдат; не новые армии создавать, а старые дезорганизовывать; не новые пушки лить, а старые переливать в серпы и орала... — главная задача анархистов.

Вот почему мне и думается, что в нашем движении нет ничего страшного и трагического. Мы все идем своими собственными дорогами, как это было и до сих пор. Мне только хочется выразить пожелание, чтобы никто не мешал друг другу в работе. К этому мы и должны стремиться.

Что же касается нашего догматизма и критицизма, то я совсем согласен с Кремером, "что наши идеи и учения, как и всякая наука, нуждаются в постоянном новом толковании, вследствие появления новых фактов или нового порядка старых вещей". При этом я делаю только одну оговорку: если мы производим опыт какой либо критики наших учений, если мы отвергаем некоторые универсальные истины, необходимо в этом случае противопоставить этим истинам нечто **новое**, более ценное и научное. Когда же некоторые "критики" начинают говорить нам о ненаучности и несостоятельности современного анархического учения и не дают нам ничего другого, мы просим этих критиков оставить нас в покое и не мешать нам в нашей работе. Пусть они обвиняют нас в догматизме! Признать же таких критиков и ученых мы, разумеется, не можем. Пусть они сначала докажут нам, что их учение является последним словом науки и философии, тогда мы без всякого сожаления сдадим в архив наши старые истины. Вот почему мне и думается, что все разговоры о ненаучности анархизма являются просто игрою в слова. И пусть себе этой игрою занимаются те, кому, по видимому, больше нечего делать.

В основу ассоциационного анархизма Льва

Черного положены какие то странные, какие то специфические начала. В основу этого учения положены принципы какого то своеобразного эго-индивидуализма, не имеющего почти ничего общего с эгоизмом Штирнера и с индивидуализмом Ницше. Понятие *Ichheit*, на котором построил Фихте всю свою замечательную систему, тоже не приложимо к учению Черного. Не приложим к нему также и высоко-благородный одухотворенный индивидуализм Оскара Уайльда. Эго-индивидуализм Черного не выражается в сознательном господстве сильного над более слабым, не выражается он также и в поединки слабого. Он выражается в какой то обособленности от людей, в какой то интуитивной боязни нашей грандиозной, по своей сложности, жизни. Благодаря этому, индивид Черного проходит перед нами не в качестве воина, рыцаря и победителя, а в качестве какого то безличного и неизвестного существа. В нем нет величия, нет гордости и силы. Он не имеет даже имени. Поистине, жалкое зрелище! Печать Свободного Ничтожества лежит на челе этого индивида. Индивид Черного боится мира, боится и людей. Во многих отношениях он идет по стопам ибсеновского Пер-Гюнта: "Будь доволен самим собой". Ему не нужны люди, не нужны людям и он. Жизнь этого индивида похожа на жизнь черепахи. Не больше одного мгновения он может созерцать окружающее. Великий шум жизни вызывает в нем чувства боязни и страха и он скорее прячется в свою скорлупу от этого страшного мира. Индивид Черного не хочет трогать других индивидов, не хочет приносить им вреда, не хочет нарушать их жалкого существования. Наряду с этим он хочет, чтобы эти безличные и безжизненные индивиды поступали с ним так же. Этот индивид является каким то жалким и безотрадным существом. Он боится всякой общительности, всякого соприкосновения с людьми. Для сохранения своей абсолютной свободы ему необходимо было бы, пожалуй, повесить на груди дощечку, начертав на ней единственное *credo* индивидов: Не трогай меня! Не вреди! Иначе и нельзя представить себе этого индивида.

Живя в своем тесном жилище, живя в своем уединении, индивид не хочет видеть ни кра-

соты, ни трагедии жизни. Ему неведом героизм, неведомы высшие подвиги и порывы, ему неведомо даже и творчество. Он — вечный труженик, он — вечный раб своей низменной жизни. Бытие этого индивида заключается, кажется, только в желудке, заключается в каком то самодовольном — полуживотном существовании. Из двух положений — недовольный Сократ или самодовольная свинья — индивид избирает очевидно последнее. Вот в этих положениях и заключается смысл жизни индивида. Это мы увидим также и в его учении.

* * *

В своих философских и социологических концепциях Черный становится на точку зрения материализма и об'ективизма, примыкая таким образом к школе материалистов. Эта же "кап-нова печать" марксизма лежит, как мы увидим дальше, и на всем учении Черного. Значение идеалистического метода в социологии и философии сводится, по его мнению, просто к нулю.

"Идеалист стремится вскрыть суть наших нравственных понятий субъективным путем, он хочет психологически определить, что такое справедливость, свобода, власть, равенство, руководясь своими ощущениями, руководясь тем, что он понимает под равенством, свободой, справедливостью... и так как каждый, будучи воспитан в иной среде, имеет разные взгляды, то и равенство и свобода каждым понимается разное". Этот субъективный метод, являющийся "творчеством из собственной головы", не приводит нас, по мнению Черного, даже к правильной постановке социальных вопросов. О разрешении их не может быть и речи.

Что же отсюда следует? — Отсюда следует, что в основание всех социальных исследований необходимо положить "другой метод, метод материалистический и об'ективный". Этот "материалистический метод видит суть нравственных, общественных и политических отношений и взглядов не в психике, не в нашем сознании, а в фактическом отношении одного человека к другому". "А раз фактические отношения материальный факт, то, следовательно, и все наши нравственные и политические понятия, являясь лишь типичными отношениями, имеют свои кор-

ни в земле, а не на небе и не на скрижалях, данных небом". Всякие идеологическо-духовные ценности и понятия являются, следовательно, продуктом материально-экономической эволюции. "Способ производства, — говорит Черный, — кладет свой отпечаток на все идеологические формы — на политику, мораль, религию, семью и право". "Экономическое рабство создает и политическое и моральное". Разве не этому учат марксисты?

Правда, Черный разбивает наше "я" на две части: "на физический организм и на духовную личность", но эта духовная личность есть, в сущности, тот же физический организм. Она является продуктом нашей физической эволюции. "Духовная личность, — говорит Черный, — это тот политический, моральный, религиозный, житейский облик человека, который каждый носит в своем физическом теле и который в каждом живом существе вырабатывается в борьбе за существование". Все это так нелепо и анахронично, что мы не считаем даже необходимым говорить здесь об идеализме и материализме, о роли личности в истории и об экономическом детерминизме марксистов. Эти вопросы блестяще разработаны у Кареева, Хвостова, Фулье и у других социологов.

На неприкосновенности этого существа, именного индивидом, и строит Черный свое материалистическо-дарвинистское учение. Абсолютная неприкосновенность этого индивида является альфой и омегой его существования. В этом и видит Черный начала истинного анархизма. Принцип "не вреди" в качестве общего и абсолютного правила должен распространяться на все взаимоотношения индивидов. И этот принцип должен господствовать не в силу каких либо этических, эстетических или правовых норм, а в силу не нарушения вечного сна и спокойствия самодовольного индивида, влюбленного в свой собственный образ, в свое черепашище жилище. Это "не вреди и не трогай меня" достигает высшего апогея в следующем примере Черного.

"Положим, что кто нибудь, купаясь в реке, безрассудно выплыл на ее середину и вследствие судорог начинает тонуть, моля о пощаде. Будет ли вредом с моей стороны, если я взду-

маю по каким либо соображениям отказать утопающему в помощи, или, наоборот, вред заключается в притязании на помощь? На первое предложение — ясный ответ. Человека в реку бросил не я. Значит, не я наношу ему физический вред, а сам себе он; значит, отказ в помощи не будет вредом... наоборот, требование помощи есть вред для меня, ибо этим выражается притязание на мое "я", на мою силу, которая принадлежит только мне и на которую никто не смеет иметь притязания без того, чтобы не обидеть меня во вьючного верблюда, в раба... В притязании на помощь есть уже посягательство — и индивид должен с ним бороться". Он, этот индивид, должен отталкивать, следовательно, и руку утопающего, если она протянута к нему за помощью. Это есть нарушение свободы индивида. К черту утопающего! *Do not touch me!*

Индивид не может спасти погибающего. Всякая помощь погибающему граничит с риском, самоотречением и самопожертвованием. Подобные же отношения к людям являются достоинством только рабов. "Рабы создали этот тип отношений и от него несет рабским духом". Для индивида нет ни эгоизма, ни любви. "В моральном отношении индивид, сделавшийся сторонником принципа "не вреди", презирает и ненавидит эгоизм и любовь. Эгоизм противен стороннику "не вреди" потому, что он обращает личность другого в вещь, в бездушный предмет; любовь — потому, что она обезличивает человека, превращая его в "жертвенное животное". "Эгоизм — это ворон, выклевывающий глаза ближнему. Эгоизм — это ястреб, растерывающий голубку. Эгоизм — это гиена, роющая во всякой падали". "Любовь — это учение всех слабых и жалких натур". "Любовь — это пиявка". "О, любовь! Куда ты только не заведешь человека, в какую грязь не окунешь его! Посмотри, во что она обратила "я" в теории непротivления злу насилем — в предмет издевательства для "ты". Она стерла личность из ранга человека. Неприкосновенность к ней не относится. Щеки "я" сотворены как будто специально для пощечин "ты", и спина его — для палок. О, гнусная любовь!"

Может ли после этого индивид чувствовать жалость и сострадание к ближнему, не говоря уже о дальнем, которого любил так Ницше? Может ли он пожертвовать собою ради спасения ближнего? О, нет, конечно, нет! Может ли он принимать жертвы ради своего спасения? О, нет! Он жертв не принимает! "Герой — это человек умирающий, но не жертвующий ради своего спасения ближним" и не жертвующий собою ради спасения ближнего. Вот почему ему враждебен эгоизм, враждебна также и любовь. Таковы отношения индивида к людям.

* * *

Индивид Черного, как и подобает истинному индивиду, возстает прежде всего против общества и коммунизма. Вопросы желудка — это важнейшие проблемы его бытия. Он очень боится того, что "в коммунизме одни рабочие не получают того, что им следует, другие получают больше того, что им следует, получают то, что следует другим. Коммунизм облагает более сильных налогом в пользу более слабых". А разве может этот индивид, с таким громадным желудком и маленькой головой, отдать кусок хлеба более слабому? О, нет! Это невозможно! Это — эгоизм слабого и самопожертвование индивида! "Коммунист — это выючный осел". "Коммунизм несет индивиду полную экономическую независимость, ставит индивида в полную зависимость от общества". Слабые будут эксплуатировать сильных. Некоторые из членов общества откажутся, например, от употребления вина и табаку, откажутся от посещения театров. Они будут, конечно, принимать участие в общем строительстве, но разве они получают сверх своих потребностей какое либо добавочное вознаграждение? А подобное положение вещей влияет на энергию рабочих, вызывает "всеобщую лень и экономический застой". "Посмотрите, — говорит индивид, — как ленивы рабы, посмотрите, как нерадивы чиновники, посмотрите на вялость арестантов и апатию эксплуататоров — и вы убедитесь в истине". "Вместо роскошных палат и рог изобилия коммунизм дает лачуги и нищету". "В коммунизме рабочий совсем бросит работать".

Люди не равны. Так говорит природа. "Ко-

ммунисты же протестуют против природного неравенства людей... Им завидно, что есть люди сильные... Они смотрят на ваше здоровье, силу, как на привилегии. Они хотят отнять у вас эти привилегии, лишить вас даров природы, высших способностей, посредством имущественного, политического и семейного уравнивания. О, подлые науки! Коммунисты стремятся к своему среднему индивиду, отвлеченному понятию, а для конкретного индивида куют цепи рабства. Пауки, эгализаторы! Будьте же последовательны, — кричит в изступлении индивид, — вставьте в свое учение полное физическое уравнивание: вы хотите уравнивать наши силы, способности, уравнивайте и красоту, подрезав носы красивым и сильным". "О, подлые тарантулы!"

А рост населения? Ведь в коммунистическом обществе никто не будет заботиться, по его мнению, о своих детях. Разве в этом случае люди не станут размножаться, "как крысы"? И разве это не угрожает в конце концов гибелью обществу?

А коммунистическая нравственность? "При коммунизме, мы нравственно погибнем, выработав какую то рабскую, прирученную душу, существующую, если она хотя на каплю разойдется с общим мнением; при коммунизме мы превратимся в нравственных лакеев". "Право, противно и больно смотреть, когда толпа говорит индивиду: "иди туда" — и он, как баран, блея и мотая головой многоголовому тирану в знак подчинения, бредет на указанный урок". Мораль коммунизма — это "мораль стада", стада блеющих овец.

А старики? Что будут делать с ними? Индивид говорит им следующее: "Трепещите же, старики! В будущем коммунистическом строе вам медики вместо лекарства дадут отраву".

А брак? Разве будет предоставлено индивиду право свободного выбора подруги? (Я уже вижу, читательницы, ваши бледные от ужаса лица). О, нет! Коммунизм "может издать закон об общем браке, как издан закон об общей собственности". Быть может будут существовать также для этого и "министерства любви".

Что же такое в конце концов коммунизм? "Коммунизм — это грандиозная больница и

грандиозное благотворительное учреждение для всех выбитых жизнью". Больше того: "коммунизм — это режим казармы, громадный дом терпимости" (курсив мой. Д.) и "сумасшедший дом". Коммунизм ведет к вырождению и индивид пророчествует ему скорую гибель. "Он умирает у нас на глазах, — говорит индивид, — от него веет трупным запахом". Так понимает индивид коммунизм. Что мы можем сказать после этого нашему сумасшедшему индивиду? Он не захочет ведь и слушать наших доказательств к нашего толкования коммунизма.

Во всей антисоциалистической литературе нет, насколько нам известно, более низких, более пошлых и отвратительных суждений о коммунизме, нежели суждения этого злополучного индивида. У английского юмориста Джером-Джерома есть интересный рассказ о коммунизме будущего ("Новое равенство"). Коммунизм представляется Джерому каким то универсальным уравниванием всех членов общества во всех отношениях. Одинаковые жилища, одинаковая одежда, одинаковое питание. Люди не имеют даже имен: это считается неравенством и привилегиями. На своих спинах эти люди носят жестянки с номерами, заменяющими им имена. Есть точно также и у французского писателя Лабуле политический памфлет под названием "Принц-собачка", в котором описывается "государство ротозеев". Есть и у нашего Козьмы Пруtkова "Проект введения единомыслия в России". Читая суждения о коммунизме этого индивида, невольно хочется думать, что в основание этих суждений положены эти классические "коммунистические" произведения. Становится стыдно за автора.

Правда, в конце своей книги Черный посвящает несколько строк и анархическому коммунизму, желая показать нам, повидимому, что он проводит некоторое разграничение между коммунизмом вообще и анархическим коммунизмом, но это он делает, очевидно, только по некоторым "дипломатическим" соображениям. На многочисленных страницах своей книги Черный мечет громы и молнии против всякого коммунизма. Он не стесняется даже выдавать в качестве истинного коммунизма социальное учение Платона и

Кампанеллы, изложенного последним в "Городе солнца". Трагичнее всего, быть может, то, что автор излагает разные учения не по трудам самих мыслителей, а по критическим и историческим работам других лиц. Ведь Черный знал прекрасно, что в настоящее время нет, очевидно, на земле ни одного человека, который мог бы проповедывать учения этих писателей. Таких людей, впрочем, не было никогда. Не мог же автор ломаться таким образом в открытую дверь. Это было бы так нелепо, как было бы нелепо стрелять из пушки в воробья. Речь идет у него, следовательно, о коммунизме нашего времени, об анархическом коммунизме. Черный только боялся, повидимому, сознаться в этом, ибо анархисты могли бы потребовать у него доказательств, почему коммунизм является домом терпимости. Они могли бы привлечь автора книги к ответственности за самую низкую, пошлую и наглую клевету. Ведь Черный возстает прежде всего против принципа "с каждого по способностям, каждому по потребностям", а разве этот принцип не является принципом анархического коммунизма?

* * *

Какое же место занимают в анархической мысли учения Бакунина, Кропоткина и Толстого? Все они, по мнению Черного, не являются истинными анархистами. "Воспитанные в предрассудках социализма и любви, ни Бакунин, ни Кропоткин, ни Толстой не могли окончательно порвать со своими старыми взглядами. Они исказили учение Прудона, который, по мнению Черного, является подлинным анархистом и самым "гениальным умом". Черный считает его гениальным только, повидимому, потому, что "никто сильнее его не ругал и не ненавидел капитала". В этих качествах мы не находим, разумеется, никакой гениальности, ибо и индивид Черного умеет ругаться лучше самого Прудона, и гениальность его пришлось бы разсматривать только через микроскоп. "Все, что они (Бакунин, Кропоткин, Толстой) усвоили от Прудона — это идею безвластия". Девиз же Кропоткина: "от каждого по силам и каждому по потребностям" — и подавно ничего общего с анархизмом иметь не может". "Из последовательных анар-

хистов приходится выкинуть Толстого и Кропоткина, имеющих в своих системах очень мало анархического". Пусть себе какой нибудь профессор Эльцбахер считает их учения самыми серьезными и состоятельными. Его научное исследование анархизма не имеет ровно никакого значения для индивида. Да и что это за книга? — Чепуха — исследование юриста и философа. Вот если бы Эльцбахер был индивидом, тогда, быть может, он и сумел бы написать книгу серьезную и интересную. Так говорит об анархистах индивид.

* * *

Основным принципом социальной справедливости является для индивида следующий принцип: "каждому по его труду". На этом принципе и строит индивид свое существование. В противоположность государственным и коммунистическим формам общественной жизни индивид строит свое общество на началах "натурального хозяйства" и на началах ассоциационных. Если индивид сумеет производить все для себя необходимое, тогда все социальные вопросы могут, конечно, легко разрешиться. Но мы знаем, что этот способ производства в наше время уже нигде не годится. Все это было свойственно человеку каменного века, вооруженному острыми зубами и дубиной. Современная же экономическая жизнь несколько отличается от жизни дикаря. Это учитывает также и индивид Черного. Правда, ему хочется пользоваться свободой и независимостью этого дикаря, но индивид не хочет почему то "ползать на четвереньках". Поэтому то, при всей своей мизантропии, он и вступает в некоторое общение с окружающими его людьми.

Каким же образом будет организовано производство будущего? Каким образом будут узнаваться самые разнообразные нужды этих индивидов? Крупное производство будет организовано на ассоциационных началах. Ассоциации будут составляться путем договора. Каждый работник будет получать полный продукт своего труда. Для учета потребностей индивидов будет существовать особое центральное статистическое бюро, в котором будут концентрироваться всевозможные спросы и предложения. Когда инди-

вид будет чувствовать потребность в каком либо продукте, он может отправиться в бюро и узнать, с кем может он обменяться продуктами своего труда. "Положим, я — сапожник. Я узнал, что вам нужны сапоги — и вот мы с вами уговариваемся. Вы записываете себе сапоги, я — кожу, гвозди, ушки. Или, скажем, вы требуете холщевую рубашку. Портной заключает с вами договор и дает вам рубашку. Портной же выписывает холст и для того заключает договор с ткачем. Ткач же, зная что вам нужен холст, заключает договор с прядильщиком". Такова сущность договорного производства. Если же у меня, скажем, закажет кто либо одежду, я должен буду заключать бесконечное количество договоров с разными производителями необходимых мне для одежды материалов; производители этих материалов — с другими производителями и так до бесконечности. После подобного способа производства и обмена товаров ни одного индивида нельзя представить себе работающим. Это было бы невозможно физически. Вся жизнь этого индивида проходила бы в этом случае в составлении и заключении миллионов договоров. Для работы же у индивида не оставалось бы даже и одной минуты, а тем более потому, что эти договоры "никогда и не заключаются на целые годы; они заключаются лишь на одно действие, на исполнение одной работы, одного предприятия". В дополнение к этому эти договоры не являются также для человека чем то обязательным. "Я могу порвать их каждую минуту, не докончив дела". И индивид Черного говорит нам после этого, что "почти вся экономическая жизнь может быть построена на таких договорах". Надо надеяться, что все эти положения не нуждаются ни в критике, ни в комментариях. Мы и без того можем представить себе, во что может превратиться впоследствии это пошехонское производство.

Впрочем, Черный допускает и другой способ обмена и распределения продуктов. Для этого будут существовать особые "почты-склады", в которых можно будет купить все необходимые продукты. Как купить? Для этого будут введены индивидами особые трудовые бонусы, называемые ими "квитанциями". Эти квитанции будут

иметь то же значение, какое имеют в наше время денежные единицы. Продукт своего труда индивид сдает в этот склад и получает оттуда квитанцию на столько то рабочих часов. На эту же квитанцию он может получить другой, необходимый для себя, продукт, равняющийся по своей стоимости такому же количеству рабочих часов. Будет введена, следовательно своеобразная денежная система, которую предлагают, в частности, и марксисты.

Каким же образом будет определяться стоимость продуктов? Мерилом ценности продуктов будет являться средняя единица трудового времени. "Положим, — говорит Черный, — что на стакан ушло 20 минут, на стул 200 м., на диван 800 м.". "Тогда стоимость стакана будет равняться 20 минутам среднего труда, стула 200 минутам". Это "мерило стоимости объективно и справедливо для всех людей". Если же люди, более слабые, потратят на производство стакана вдвое больше времени, 40 минут, это ни в коем случае не дает им права на получение продукта, ценность которого равняется 40 минутам среднего труда. "Если слабый, при такой системе, захочет от сильного взять диван, то сильный скажет: "давай 40 стаканов (а не 20), ибо в диване в 40 раз больше равной энергии" — и слабый ничего не может сказать: попробует сделать стакан и диван и убедиться в истинности требований сильного". Таковы мерила ценности продуктов производства.

Что же отсюда следует? Отсюда следует, что индивиды не будут равны даже и относительно в имущественном отношении. У них будет существовать частная собственность. Будут богатые-сильные, будут и нищие-слабые. Общество индивидов будет являться, следовательно, новой репродукцией с картины капиталистического общества. А раз будет богатство и бедность, необходимо признать право передачи индивидами своего имущества тем или иным лицам, необходимо признать право наследования, которое Черный и не отрицает. А ведь это право было отменено даже большевиками! Вот здесь то и зарыта собака! Но индивид и не скрывает этого. Он говорит слабую: "выродку естественная смерть". Пусть вымирают слабые! Индивиду некогда ду-

мать о слабых. Он никогда не в состоянии наполнить даже свой собственный желудок. К черту всех слабых! Пусть поедают друг друга!

А вот индивид разрешает земельный вопрос. "Земля — ничья". Ее нельзя, к сожалению, разодрать на мелкие кусочки. Необходимо признать поэтому только "равное право пользования на землю". Никто не может лишить нас права на получение своей доли. "Земля — ничья, в пользовании — мы равны: подай мне мою долю, и больше ничего". "Никто не может вмешиваться в мою деятельность". "Как я поступлю со своим участком, как я его буду обрабатывать — это моя воля, и никакого общество не имеет ни малейшего права писать мне законы". "Какой же кусок земли может занимать каждый для своих нужд, соблюдая указанные условия?" Количество населения изменяется. Нельзя поэтому раз навсегда разделить всю землю между всеми индивидами, живущими в данное время. Отсюда вытекает следующий ответ: "Максимум земли, которую каждый может занять, определяется наличным населением и приростом, могущим быть в течение его жизни". Если бы вся земля была распределена в данное время, тогда пришлось бы, вследствие прироста населения, производить ежегодно переделы земли. Поэтому то Черный и предлагает учитывать заранее возможный прирост населения, благодаря чему "передел наступит лишь после смерти пользователя". Лучшие участки земли облагаются в этом случае рентой. Таково "разрешение" земельного вопроса.

* * *

Теперь нам понятно, почему индивид так возмущается против коммунизма, а в частности, и против высокой нравственности коммунистов. Ему неведомы понятия солидарности, сочувствия, справедливости и гармонии. Теперь нам понятно также, почему этот злополучный индивид не считает анархистами Кропоткина, Штирнера, Бакунина и Толстого. "Штирнер и Кропоткин не чистые анархисты. Штирнер не отделался еще от буржуазии, а Кропоткин от христианства и коммунистов. Штирнер проповедует: "делай что хочешь", Кропоткин же хочет обратить анархистов в стадо бляющих баранов. Сейчас, — про-

должает он, — мне удалось прочесть статью Кропоткина — "Анархическая мораль". Это нечто ужасное! Копыта, вымя, рога, бычачья тупые морды так и торчат на каждой строке". У нас нет никаких желаний обижать в данном случае этого индивида и говорить ему разные неприятности, но, тем не менее, после подобных его рассуждений, все же приходится сказать, что этот индивид является в самом деле самодовольной свиньей. Не может же ведь человек говорить разные мерзости только потому, что у него есть язык. А индивид это делает.

В противоположность социальной справедливости Толстого и Кропоткина индивид проповедует новые взаимоотношения между людьми. Если ты болен и слаб, если ты стар и безмоощен, — тебе нечего больше делать на земле. Ты — "лишний человек". И ты уйдешь из этого мира, ибо ни один индивид тебе не поможет. И индивид очень доволен, что "слабые будут пропадать, а сильные не будут расточать своих сил на поддержание вырождающейся жизни". Все слабые — это "разлагающиеся трупы". Зачем же их поддерживать? Нет, не поддерживать их надо, а сделать все возможное для того, чтобы они выбрали себе "добровольную смерть" и не позволили себе сосать кровь индивида. Единственно, что может предложить индивид старику, больному и слабому, — это яд и веревку для добровольного ухода от жизни. Таковы законы природы, — говорит он, — таковы законы и дарвинизма. Учение Дарвина, на котором построили логически свою философию марксисты, является, по мнению Черного, подлинным анархизмом. "Первое поверхностное сравнение, — говорит Черный, — прямо говорит о полной солидарности анархизма с дарвинизмом. Чем дальше вы будете углубляться в этот вопрос, тем все крепче и крепче будет первое впечатление. Посмотрите бегло на наш строй (строй индивидов) — и вы увидите истину сказанного". В этом отношении прав, разумеется, Черный. Его анархизм есть дарвинизм, с которым мы, анархисты, можем вести только самую жестокую и беспощадную борьбу. С нашей точки зрения — не должно быть животных среди людей. Мы должны изгонять их из человеческого общества.

Животным место среди животных. Вот что мы можем ответить на это. Мы не стесняемся этим индивидов, а только хотим, чтобы они ушли в свое дарвиновское звериное царство. Пусть они там поедают друг друга, если это им так нравится! Люди же хотят жить богатой духовной и материальной жизнью, которую никогда, очевидно, не в состоянии будут понять животные. Таково наше отношение к марксизму и дарвинизму.

* * *

Теперь необходимо еще обратить внимание на правовую сторону жизни индивидов. Что такое право вообще? Что такое законодательство? Что такое суд и судья? На все эти вопросы Черный не дает нам ни одного серьезного ответа. Разрешение им всех этих вопросов заставляет нас думать, что он не считал нужным прочесть даже какогонибудь учебника по общей теории права. Право, законодательство, суд и судья существуют, по его мнению, только потому, что существуют преступления: преступления же происходят только потому, что существуют богатство и бедность. На этом основании будут преступления, следовательно и в обществе индивидов.

"Что такое судья? — Это человек, присвоивший себе право судить меня, — человек, смотрящий на меня, как на судебное мясо". Неужели Черный не знает того, что и сами судьи сидят иногда на скамье подсудимых. Обращаясь к судьям он спрашивает их: "Кого вы намереваетесь судить? Чье имущество охранять хотите? Народ — гол; у народа брать нечего. Буржуазную, воровскую собственность хотите вы защищать? Кого же вы хотите посадить на скамью подсудимых? Богачей? Нет, богачи не воруют. Дети народа, выброшенные нуждой, кризисом и безработицей, поднимаются на богачей. Им то вы и готовите кандалы". Все преступления сводятся, следовательно, к воровству. "Задумывались ли вы, — спрашивает он читателя, — над тем, почему бывают преступления?" — "Они происходят от разорения, нужды, голода, которые являются результатом индивидуальной борьбы за существование и эксплуатации одних другими". Какое жалкое объяснение! Неужели кроме воровства нет никаких других преступле-

ний? Одно ведь только современное уголовное право предусматривает целые тысячи самых разнообразных преступлений, не имеющих в данном случае никакого отношения ни к бедности, ни к воровству. Об этом Черный очевидно и не подумал, как не подумал он и о значении законодательства. Ведь те же религиозные войны, о которых он вспоминает, прекращены были путем законодательным; они прекратились только тогда, когда были изданы законы о веротерпимости. Всякие преступления нельзя объяснять исключительно бедностью и нищетой. Это мы знаем из судебной практики. Имеются преступники очень богатые и состоятельные. Мотивы преступлений их — разные. Многие из них совершают преступления из за любви к риску, или из за любви к искусству. Представим себе общество индивидов. Найдутся люди, которые совсем не захотят работать, а будут заниматься систематическим воровством, грабежами и даже убийствами. Кто будет их судить? — Никто. Суда у индивидов нет. Будет господствовать право сильного. Суд незыблемый — это олицетворение какого то издевательства и произвола над человеческой личностью. — Суд присяжных (а также и третейский суд) — это "самоотречение от себя, это уступка своих прав толпе". Единственная форма суда, какую может признать индивид, это форма "личного суда". Эта форма суда выражается в следующем: "Если мы с кем поссоримся, то сами сумеем и разобрать свою ссору". "Своих судебных прав мы никогда не уступим другим". "Суд индивидов будет всегда справедливей, ибо самим участвующим индивидам суть дела виднее, чем посторонним лицам". Поэтому то "индивид и будет справедлив в своих решениях". Не только с точки зрения юридической, но и с точки зрения простого здравого смысла подобное решение вопроса кажется просто смешным. Не только из судебной практики, но и из житейского опыта мы знаем, что ни один обвиняемый не считает себя виновным. Наоборот: он обвиняет своего противника. Этот суд не может, следовательно, достигнуть никаких результатов. Чем же, в конце концов, может разрешиться то или иное столкновение индивидов, если невозможно разрешение вопроса мирным путем?

"Он может вылиться после этого в форму дуэльную". Но ведь и в этом случае не может быть и речи о справедливом разрешении того или иного вопроса, ибо дуэльный суд не имеет ничего общего с справедливостью, осуществление которой преследует, в сущности, всякая форма суда. К дуэльному суду мы прибегаем не для защиты своей правоты (ведь и противник прибегает к этому), а для защиты чести. Результатом этого суда является не осуществление справедливости, не наказание виновного, а победа физического превосходства, силы и ловкости. Мы знаем, например, что мы виновны, но результатом дуэльного суда является наша победа. Разрешает ли все это хотя сколько нибудь вопросы объективной справедливости? — Нет. Вот почему в обществе индивидов и будет господствовать право сильного и более ловкого.

Заметим еще, кстати, что Черный допускает еще существование и детских судебных ассоциаций, которые будут судить в случае необходимости многих жестоких родителей. В этом положении судебная и правовая сторона жизни индивидов находит свое последнее завершение. Дети будут судить родителей! Из судебной практики мы знаем, что малолетние дети не могут выступать нигде даже в качестве свидетелей, вследствие своей несовершеннолетней психики, а Черный хочет отдать жизни родителей целиком в руки детей.

* * *

Могут ли после этого существовать в обществе индивидов хотя какие нибудь правила поведения? — Нет. Индивид должен быть свободным. "Если мне нравится, я могу ходить и голым, ибо это моя индивидуальность, и тут нет ничего предосудительного". "Нагота не затрагивает ничьей физической и моральной личности". "Мы не имеем права негодовать ни на грусть, ни на веселость проходящих. Все это их личное дело". Это относится также к общественной тишине и спокойствию. Устами своего читателя Черный задает себе следующий вопрос: "По вашему, значит, делай что хочешь? Вы, наверное, позволите толпам ходить по улицам с пенями; вы, наверное, позволите звонить в колокола. Но понимаете ли вы, что де-

лаете? Понимаете ли вы, что таким распутием вы парализуете всю цивилизованную жизнь? Барабанный бой, крики, звон — будут вас глушить, как обух глушит треску... Вы не будете иметь покоя ни днем, ни ночью. Представьте себе, что какойнибудь шалопай будет трезвонить целую ночь. Он вас приведет в истерику, если вы немного нервны. Он прикончит жизнь больного, которому нужен покой...“

Является ли подобное положение злом? — Нет. Нельзя стеснять свободу индивида. Если только он своими действиями не приносит физического и морального вреда другим индивидам, он может делать что угодно. Впрочем, Черный утешает нас следующим ответом на это:

”Во 1) чем цивилизация выше, тем меньше будет всяких выходов, в роде трезвона, барабанного боя и стрельбы.

Во 2) такие дикие проявления и сейчас не часты.

В 3) с шумом можно бороться разными средствами — постройкой высокой стены с улицы, более толстых стен домов, широтою улиц, обсаживанием домов со стороны улиц небольшими рощицами, выкапыванием подземных комнат, помещением домов на далеком расстоянии друг от друга, занятием большого количества земли под жилища“...

Необходимо еще сказать пару слов о бра-

ке индивидов. Это необходимо сделать для усовершенствования наших уважаемых читателей, которых индивид Черного так напугал коммунистическим браком. У индивидов брак — ”дело самих индивидов“. Встречаются индивид с индивидкой. ”Заключают промеж себя договор любить друг друга“ и начинают жить счастливой жизнью. Вопрос, как видите, разрешается просто: заключил договор — и живи. Пользуясь благами общества индивидов.

* * *

Заканчивая этот очерк мне хочется сказать, что учение Черного не имеет почти ничего общего с анархизмом. Это учение марксизма и дарвинизма. Вполне понятно, почему никто из анархистов не заинтересовался этим учением. Это учение умерло в день своего рождения. В дополнение к этому книга Черного написана в форме какойто обличительной речи. Каждая страница ее очень ярко изобилует самыми грязными и вульгарными выражениями. Во многих отношениях она является какимто юмористическим произведением в стиле Чехова и Марка Твена и вызывает только смех. Поэтому, быть может, и мой очерк не лишен некоторых ”тяжелых“ выражений, а отчасти и юмора. Но иначе и нельзя писать о таких книгах и учениях...

Май, 1924.

Дельта.

ПРОРОК.

М. Э. Юнг.

Пророка дар — проклятье человеку!
В страданиях нашел себя пророк.
Враждуя зло с надменной властью века,
Он молчалив, задумчив, одинок.
И тень его — тяжелый груз для тела,
И лик его — прозрачнее, чем лед;
На мощь миров дерзая волей смелой,
Пророк постиг веков грядущих ход.
В больные руки — белый посох мира,
Высокий лоб в космический венок;
На блеск земных корон, на красный шелк
порфиры
Не обратит свой взор бунтующий пророк.
Нет, он, слепой для дней идущих мимо
И исполнито-чуждый для людей,

Глядит туда, где Рок Непостижимый
Творит пути для творческих Идей,
Туда, где Времени Незримые Препрады,
Где в Тайне Свет не свет, в Сверх-Тайне Тьма
не тьма.

Прозрел пророк средь жизненного Ада,
И в том виновен он... Ужасная вина!
Смертельный бунт в глубинах зрячих Духа!
Там в смутной мгле глагол безвластных лет.
Вот гимн божественный достиг людского слуха,
Но где пророк? Он мертв. Пророка больше нет.
Царит в веках Живая Грань Предела,
Страшит людей Фатальной Смерти Круг.
Но я пою большую гордость тела,
В котором жив Свободной Жертвы Дух.

Анатолий Консе.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ ВО ФРАНЦИИ.

Парижская секция, состоявшая из энергичных членов Интернационала, называлась парижским бюро и существовала с половины 1865 года. Число членов административной комиссии, избранной этим бюро, равнялось 27, затем после Лозанского конгресса 15-ти и, наконец, 9-ти членам, но число членов Интернационала в одном только Париже дошло к концу Империи до нескольких десятков тысяч человек. С самого начала, члены Интернационала не принимали участия в обществах, пользовавшихся чьим либо политическим покровительством. Чуть ли не сразу были основаны корреспондентские бюро в 15-ти городах Франции и число членов Интернационала дошло в провинции до 200.000.

В самом начале, очень недолго, впрочем, Французский Интернационал был против стачечного движения и не занимался политикой.

По возвращении делегатов с первого конгресса Международного Товарищества Рабочих, Парижское бюро решило принимать в члены Интернационала только лиц, занимающихся физическим трудом. По мере увеличения численности рабочих в Интернационале Парижа, он все более и более становился социалистическим.

28-го апреля 1866-го года, в виду слухов о возможной войне с Германией, Парижское бюро на нескольких языках издало свой ответ немецким рабочим, в котором подтверждало "всеобщую солидарность и неразрушимый союз рабочих".

К сентябрю 1867-го года отделения Интернационала имелись в 25 городах Франции и в Алжире.

В декабре 1867-го года французское правительство решило уничтожить во Франции Международное Товарищество Рабочих. В Париже были произведены обыски и 15 членов комиссии были отданы под суд. Не дожидаясь судебного приговора, члены комиссии вышли из нея и на их место были выбраны 9 новых членов. Суд

приговорил 15 членов комиссии к штрафу в 100 франков каждого и объявил бюро Парижа распущенным. 9 новых членов, в свою очередь, были привлечены к суду и приговорены не только к ста франкам каждый, но и к трем месяцам ареста каждый же. Бюро Парижа было снова объявлено распущенным *).

В это время каждый вступающий в М. Товарищество рабочих платил в Париже 50 сантимов вступительного взноса и по 10 сантимов в неделю.

Бюро Парижа находилось в переписке и в сношениях с большими городами Франции и с заграницей. Бюро принимало участие как советами, так и доставкой денег в стачечном движении рабочих Франции.

В числе членов бюро имелись три корреспондента, секретарь и кассир. Каждый день один из членов бюро дежурил в нанятом помещении в течении двух часов, давая желающим нужные указания и разъяснения о Международном Товариществе Рабочих.

*) Шолен говорил на этом процессе: "Интернационал есть выражение справедливых социальных требований. Это стремление совсем соответствует духу времени и оно не сдастся, не достигнув цели. Пролетариям надоело смирение; им надоело, что все их попытки к освобождению всегда подавляются репрессиями, им надоело быть жертвами паразитизма, видеть себя осужденными на безнадежный труд, на безграничное подчинение, на полную лишений и непосильной работы жизнь, они устали подбирать крохи с пира, совершающегося на их же счет. Народ желает управляться сам, без посредников, а, главное, без спасителей. Он желает полной свободы"... На этом процессе даже прокурор принужден был сказать следующую фразу: "Подсудимые, представшие перед судом, это — трудолюбивые честные и интеллигентные рабочие. Они никогда не подвергались судебному приговору, на их нравственности нет ни одного пятна и для подкрепления возбужденного против них обвинения мне не придется сказать ни одного слова, способного задеть их честь".

Легально Международное Товарищество Рабочих перестало существовать в Париже; его членов числили членами иностранного общества, имеющего местопребывание в Лондоне.

Не смотря на то, что Парижское бюро было закрыто, Международное Товарищество Рабочих пользовалось все растущим влиянием на рабочих.

В 1869-м году Парижский Интернационал поместился на улице Кордери, в одном доме с федерацией синдикальных палат Парижа. В этом году Международное Товарищество было более, чем когда либо, жизненно в Париже. Правительство арестовывало ораторов Интернационала, говоривших на многочисленных митингах и бросало их в тюрьмы на три, на шесть месяцев. Тем не менее, Интернационал все энергичнее и настойчивее боролся против Империи и целые корпорации рабочих открыто преобразовывались в отделы Интернационала.

В декабре 1869 г. Варлен писал: — "наши самые серьезные враги, это — умеренные республиканцы, либералы всех сортов", но парижская секция участвовала в выборной агитации: в этом же году в своей избирательной программе, она, между прочим, требовала экспроприации всех финансовых обществ, превращение всех монопольных обществ и картелей, как банки, каналы, железнодорожные общества и т. д. в отрасли общественного управления.

Таким образом, в это время в Париже наблюдалось и государственное течение в Интернационале, а в Лионе, например, на митинге, устроенном в марте 1870 г. членами Интернационала, слышались совсем другие речи. На этом митинге присутствовали делегаты из разных городов Франции и было прочитано письмо из Бельгии, в котором между прочим говорилось, что "политическое государство не имеет более смысла существовать; искусственный механизм, называемый правительством, исчезнет в экономическом организме, политика теряется в социализме".

После митинга среди верных товарищей было прочитано письмо М. А. Бакунина: "ос-

нова для организации сил пролетариата — писал Михаил Александрович, — безусловно дана: — это мастерские, федерации мастерских, создание рабочих союзов — орудий борьбы против буржуазии и не только национальная, но и международная федерация этих союзов. И когда пробьет час революции, вы провозгласите ликвидацию государства и буржуазного общества... истинная и откровенная народная революция, анархия юридическая и политическая и новая экономическая организация снизу кверху, от периферий к центрам".

В это время слагалась Парижская Федерация Интернационала. В день ее открытия (18-го Апреля 1870-го года) Варлен произнес речь, в которой сказал, между прочим, следующее: — "Мы — сила и право. Мы должны довольствоваться самими собой. Мы должны направить наши усилия против юридического, экономического, политического и религиозного строя".

Был избран федеральный совет и каждый член федерации вносил в него 10 сантимов в месяц.

Парижская федерация пыталась печатать свою газету в Швейцарии. Вышло 2 номера газеты "Социалист", но так как доставка ее оказалась невозможной, благодаря конфискации — то это издание было прекращено. Наполеон III, поголовным опросом французов, хотел добиться одобрения новому либеральному курсу своей политики. Комиссия Парижской федерации издала протест против этого опроса (плебисцита), предлагая рабочим воздержаться от голосования. Многие члены Интернационала были арестованы перед плебисцитом: их обвиняли в составлении заговора против императора, хотя заговор этот был выдуман полицией.

5-го мая Парижский федеральный комитет Интернационала печатно заявил, что Интернационал не мог принимать участия в мнимом заговоре и добавил: — "Международное Товарищество Рабочих — постоянный заговор всех угнетенных и эксплуатируемых — будет существовать не смотря на бессильные преследования ее так называемых вожakov, до тех пор, пока

не исчезнут все эксплуататоры, капиталисты, священники и политические авантюристы“.

После плебисцита часть арестованных членов Интернационала была освобождена. 22-го июня 1870-го года в Париже состоялся третий процесс Интернационала. 27 человек были приговорены к 2 месяцам тюрьмы и 50-ти франкам штрафа, 7 — к одному году тюрьмы и ста франкам штрафа каждый; четверо оправданы. Тем не менее, федеральный совет Интернационала продолжал свою работу, при чем в важных случаях к нему присоединялась федерация синдикальных палат. Конечно, война дезорганизовала до некоторой степени Интернационал, но его работа продолжалась. Между прочим он организовывал в 20 округах Парижа наблюдательные комитеты — нечто в роде будущих революционных муниципалитетов.

Как раз перед войной 1870-71 года был опубликован следующий манифест французских интернационалистов: “Немецкие братья, во имя мира не слушайте продажных или холопских голосов, пытающихся обмануть вас насчет петинного настроения Франции. Оставайтесь глухи к бессмысленным провокациям, ибо война между нами была бы братоубийственной войной... Война для правительств есть косвенное средство для того, чтобы подавлять общественную свободу“.

Наступило время коммуны, неожиданно для многих в том числе и для К. Маркса, который в письме к Энгельсу от 6-го сентября 1870 года писал: “Сегодня вся французская секция Международного Товарищества Рабочих отправляется в Париж, чтобы делать там дурачества от имени Интернационала. “Они“ хотят свергнуть временное правительство, учредить *Commune de Paris*, назначить Пия французским посланником в Лондон и т. д.“ Тем не менее *Commune de Paris* стала фактом.

Центральный комитет национальной гвардии заседал в помещении парижского Интернационала, но в этом комитете было, как кажется, только два члена последнего. Интернационал поддерживал сношения с комитетом посредством делегации из четырех своих членов.

23-го марта федеральный совет Интернационала выпустил извещение, в котором требовались коммунальные права, полное, даровое, светское образование, организации кредита, обмена и ассоциаций.

В правительство коммуны были избраны 17 членов Интернационала, а после дополнительных выборов их число вместе с присоединившимися, достигло 29. Как кажется, только они одни знали хорошо чего хотели, и, постоянно соприкасаясь с народными массами знали, к чему порывался народ.

Делегация федерального совета Парижских секций Интернационала сообщала правительству Коммуны о результатах работ всех парижских секций.

“Деятельность Интернационала, — пишет Жорж Буржен, — прежде всего, была плодотворна, как воспитательная деятельность. Интернационал сохранил в своем помещении на площади Кордери соприкосновение с рабочими синдикальными палатами, он оставался инициатором пролетарского движения... и многие из федералистов, которые умерли за коммуну, были пробуждены к классовому сознанию адептами Интернационала“.

Все это время Интернационал продолжал действовать “в полном сознании своей пролетарской программы“. Его члены, выбранные в правительство Коммуны, встали в оппозицию к якобинскому большинству, “пытаясь мало по малу реализовать свою экономическую программу“ (Ж. Буржен).

Во все время Коммуны, секции Интернационала энергично работали и число членов Интернационала достигало в это время в Париже, самое меньшее до ста тысяч человек.

Но роль руководимого Марксом Главного Совета была малоопытной с революционной точки зрения. Еще 9-го сентября 1870 года написанный Марксом манифест совета заявил, что “всякая попытка к ниспровержению нового (т. е. с 4-го сентября республиканского) правительства была бы, в виду страшного переживаемого кризиса, когда неприятель почти у ворот Парижа, отчаянным безумием“.

Хорошо, что с Главным Советом Интерна-

пионала не считались рабочие Парижа и, подняв свое коммунальное восстание, вписали блестящую страницу в историю пролетарского движения, как раз тогда, когда "неприятель был у ворот Парижа".

Во время же коммуны, роль Главного Совета была скорее всего несерьезной. В. Черкезов писал по этому поводу следующее: — "3-го апреля 1871-го года Главный Совет Интернационала в Лондоне писал в Париж: граждане, члены парижского бюро, приглашаются, в виду положения дел, адресовать центральному бюро в Лондоне ежедневные рапорты".

Требовать рапорты от людей, которые сражаются!

Но для чего нужны эти рапорты?

От 9-го апреля: — мы ждем результата для того, чтобы дать вам инструкции".

По меньшей мере Бисмарк и император Вильгельм, претендовавшие на командование, присутствовали на полях битв. Но Главный Совет, управляемый Марксом и Энгельсом, предпочитал оставаться в безопасности, с ногами на каменной решетке и давать инструкции. И какие инструкции!

От 4-го апреля: "не ведите бесполезной агитации в провинции".

От 9-го апреля: "с этого времени представьте действовать республиканцам и ничем не компрометируйте себя". Или: "борьба окончательно завязалась. Мы рассчитываем, что вы ее поддержите".

Но верх нелепости в том, что эти жадные до власти люди хотели также контролировать поведение каждого борца-социалиста. Так, от 23 марта: "Оставьте Жюбера в Лионе, Гекриет — с вами и пошлите Эстейна в Марсель".

От 20-го марта: — "Пошлите Кюзере в Париж". (Хороший подарок делали они Парижу).

От 20-го марта: "в виду затруднений для отъезда в Лион граждан Асси и Мортье, гражданин Ландек делегирован в Марсель со всеми полномочиями".

По статутам Интернационала, его главный комитет имел только чисто административные функции и должен был служить только централь-

ным бюро для корреспонденции разных национальных организаций. Совет не должен был вмешиваться во внутренние дела отдельных стран. Однако, под управлением Маркса и Энгельса, он мало по малу присвоил себе другие права, права руководителя рабочих организаций и в своем диктаторском безумии дошел до того, что посылал приказы в роде тех, которые мы только что читали. Все полномочия в Марсели и Лионе знаменитому незнакомцу! ("И какой такт! Два немца делегируют такого простака с немецкой фамилией с тем, чтобы он правил французскими социалистами в то время, как император, немецкие принцы и Бисмарк находились в Версази!"). (В. Черкезов. "Страницы социалистической истории". Перевод с французского). Неудивительно, что Главный Совет, писавший такие как только что приведенные бумажки, не мог вызвать мало мальски серьезных демонстраций в пользу Коммуны и против зверской расправы с коммунарами.

Только швейцарские члены Интернационала, и то совершенно независимо от Главного Совета, пожелали помочь коммунарам, но, по недостатку денежных средств, не могли осуществить свой план.

Разгром Коммуны был вместе с тем и разгромом Интернационала во Франции. Многие члены Международного Товарищества Рабочих были убиты или сосланы на каторгу.

Миланские секции Международного Товарищества Рабочих приветствовали 18-го июня побившую Коммуну:

"Капиталу, который сказал им: "Ты умрешь с голода", они отвечали: "мы будем жить нашим трудом".

Деспотизму они ответили: "мы свободны!"

Пушкам и ружьям сговорившихся реакционеров они противопоставили открытые груди.

Они пали, но пали, как герои.

Ныне реакция называет их бандитами, ставит их вне человеческого рода.

Должны ли мы позволить это? Нет.

Рабочие! В то время, как наши братья в Париже побеждены, когда их травят, как хищных зверей, когда они сотнями падают под ударами убийц, скажем им: — "Приходите к нам,

мы здесь; наши дома открыты для вас, мы будем защищать вас до дня отщепенца“.

Рабочие! Принципы Коммуны — наши принципы, мы принимаем ответственность за ее деяния.

Да здравствует социальная революция!“

Международное Товарищество Рабочих в других странах тоже считало дело Коммуны своим делом.

14-го марта 1872-го года депутаты законодательного собрания французской республики издали закон (закон Дюфора), по которому принадлежность к числу членов Международного Товарищества каралась во Французской республике заключением в тюрьме на срок от 3-х месяцев до 2-х лет, а служащих и пропагандистов этого товарищества предписывалось карать пятилетним тюремным заключением.

Тем не менее, уже в 1872-м году во Франции стали организовываться тайные группы Интернационала, но без всякого участия Главного Совета, деятельность которого сводилась в это время на борьбу с Юрской Федерацией и учением “коллективистов“. Хотя вторая Лондонская конференция и запретила тайные секции Интернационала, тем не менее на Гаагском Собрании Маркс пригласил из Франции членов тайных секций и лиц, которые называли себя таковыми.

Из Франции прибыли на собрание в Гааге в роли его сторонников и подозрительные лица, которых К. Маркс, используя их голоса против М. А. Бакунина, называл на резком жаргоне своих писем “сволочью“.

В начале 1873-го года часть французских тайных секций Интернационала присоединилась к Юрской Федерации.

В 1873-м году во Франции было несколько процессов по обвинению разных лиц в принадлежности к Интернационалу.

В 1874-м году гонение на Интернационал продолжалось. Рабочих — членов Интернационала — бросали в тюрьмы сроком до 5-ти лет.

В 1875 году Интернационал не подавал во Франции признаков жизни, но в следующем же году возстанавливается Французская федерация Интернационала. В 1877 году мы встречаемся

с новой, кажется, федерацией, собравшейся 12-го июня на тайный съезд. Она публикует в конце этого года тайно напечатанный манифест, в котором указывает, что рабочим не стоит заменять правительство, состоящее из попов и герцогов, правительством состоящим из адвокатов и буржуа, среди которых найдутся лица, расстреливавшие отцов и братьев рабочих. Если рабочие возстанут, — то результатом возстания должна быть коммуна.

Повидимому, Интернационал прекращает во Франции свое существование, но брошенные им зерна дают могучие всходы. Охватывающий сотни тысяч французских рабочих революционный синдикализм провозглашал и старался применить на деле принципы, выработанные и намеченные Международным Товариществом Рабочих. Старый деятель первого Интернационала Ж. Гильом с полным основанием называл французскую Конфедерацию Труда продолжением Интернационала. Нет сомнения, что только временно часть французских синдикалистов перешла в ряды политической партии.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ В ИСПАНИИ.

Как кажется, первая секция Интернационала организовалась в Мадриде в 1868-м году.

Испанский Интернационал чуть ли не с первых дней своего существования стал на стороне коллективистов, “бакунистов“.

Весною 1870-го года несколько членов Интернационала организовали в Барселоне тайное сообщество под названием “Союз социалистической демократии“, а в 1871-м году он распространился по всей уже Испании.

Первый конгресс испанских секций Интернационала собрался в июне 1870 года в Барселоне. Подчеркивая свой интернационализм, члены конгресса выбрали председателем француза.

16-го января 1872-го года правительство приказало распустить секции Интернационала, но испанский федеральный совет заявил, что распоряжение правительства недействительно и Интернационал продолжал энергично развиваться, имея в своих рядах многочисленных членов

тайной организации.

4-11 апреля 1872-го года в Сарагоссе состоялся годовой конгресс Испанской Федерации. На нем рассматривались вопросы о стачках, кооперации, образовании.

В июне 1872-го года Мадридская федерация выключила из своих рядов Лафарга. В июле 9 человек сторонников Лафарга организовали группу, которая назвалась "Новая Мадридская Федерация" (!). Федеральный совет испанского Интернационала не принял эту группу в свою федерацию, но Главный Совет, с нарушением правил Интернационала, принял ее в Интернационал.

Emanipation, испанская газета этой "новой" федерации в № от 28-го июля 1872-го года донесла на членов тайного общества "Союз", опубликовав известные ей редакции имени членов этого сообщества.

В 1872м году Главный Совет, верный своей манере бороться с революционерами социалистами, боролся и с Союзом социалистической демократии. Но ни в том году, ни в другое время нельзя указать на то, что этот совет делал что либо полезное для испанского Интернационала. Борьба Главного Совета с Испанским Союзом являлась для Совета сплошной неудачей.

В январе 1873-го года марксисты пытались устроить в Валенсии второй федеральный совет, но этот совет просуществовал менее 2-х месяцев, так как собрал, всего на всего, 40 членов федерации во всей Испании. Совет был закрыт. Деятельность авторитарных социалистов кончилась в Испании полным крахом. За неимением читателей перестала выходить и их газета.

В августе 1873-го года в Испании было 162 местных федерации, 454 рабочие секции, 77 секций из рабочих разных ремесел.

9-го июля 1873-го года в Алькоа разразилась всеобщая забастовка, в которой приняли участие и члены Интернационала. Забастовка перешла в возмущение рабочих, которые и захватили город. Против них было послано 6000 солдат, а, так как из общего числа рабочих было вооружено только около тысячи человек, то они и сдались на относительно выгодных условиях: — правительство обещало не преследовать рабо-

чих, рабочим была повышена, согласно их требованию, заработная плата, введен 8-ми часовой рабочий день и капиталисты уплатили им заработную плату за все дни стачки и возмущения.

Все, что писал об этом движении и о членах испанского Интернационала — рабочих революционерах — Фридрих Энгельс, совершенно не соответствует истине. В некоторых случаях члены Интернационала поддерживали в Испании местные возмущения сторонников автономии провинций — левых, так сказать, федералистов.

29-го марта 1874-го года Испанская федеральная комиссия издала в 17.000 экземплярах Манифест Испанской Федеральной Комиссии ко всем испанским рабочим и вот что было между прочим, напечатано в нем: — "вы, рабочие, могли бы предотвратить все плутни, все измены, жертвами которых вы были, вы могли бы избежать их, если бы вместо того, чтобы употреблять ваши усилия для изменения формы власти, вы стремились бы к полному разрушению ее основ во всех их проявлениях. Крайне необходимо, чтобы вы сами управляли вашими делами и вашими интересами, а вы, как мы с прискорбием установили, предпочитали до сих пор поручать управление своими делами вашему вероломным врагам, вашим природным и естественным врагам, т. е. лицам, которые, не имея тех же интересов, что вы, и принадлежа к классу враждебному нашему освобождению, могли только эксплуатировать и обманывать вас. Вашей постоянной заботой должно быть безусловное отчуждение эксплуататоров от эксплуатируемых. Пусть не будет среди нас ни благосклонных республиканцев, ни непримиримых республиканцев, ни унитариев, ни демократов, ни монархистов. Для нас должны существовать лишь две партии: — партия революции и партия реакции. Если к вам вызывают, предлагая участвовать в выборах, повернитесь спиной и идите в Международное Товарищество Рабочих. Если вас пытаются завербовать под предлогом политических конспираций, завербовать для того, чтобы вы были послушным орудием буржуазных честолюбив, повернитесь к вербовщикам спиной и идите в Международное Товарищество Рабочих. Да здравствует Международное Товарищество Рабочих!"

25 июня 1874 года делегаты 47-ми местных федераций собрались на конгресс в Мадриде. Из рапорта комиссии выяснилось, что в Испании имеется 320 местных федераций, охватывающих 532 секции. Из постановлений этого конгресса отметим, что он одобрил резолюции Женевского конгресса 1-го сентября 1873-го года. Конгресс постановил, между прочим, что каждый член Испанского Интернационала должен платить по 25 сантимов в месяц в пользу заключенных и преследуемых членов Международного Товарищества Рабочих.

Интернационал существовал в Испании то как явная, то как тайная организация. Два раза правительство распускало испанский Интернационал (в 1872, в январе 1874 года), на членов Интернационала обрушивались самые дикие, самые жестокие гонения, — высылки на полудикие острова, заключение в крепостях, тюрьмах. Тем не менее, Интернационал продолжал существовать, как не разрешенная организация.

Петр Алексеевич Кропоткин указывал, что в Испании насчитывалось более 80.000 членов Интернационала, собиравшихся на конгрессы и правильно делавших свои взносы. Испанские рабочие не очень то восхищались жизнью рабочих швейцарской демократической республики и писали в 1875 году: — швейцарский рабочий "это раб-наемник, как раз такой же, как и рабочие других стран".

Правительственные преследования заставляли членов Интернационала разделить испанскую федерацию на девять областных федераций.

Более 5000 испанских рабочих, членов Интернационала находились в ссылке и в тюрьмах и, хотя они были брошены в тюрьмы без суда, министр Кановас заявил, что попавшие в тюрьмы навсегда в них останутся.

Интернационал, в конечном счете, был придушен правительством Испании, но он воскрес в анархическом движении и в романском синдикализме.

(Продолжение в след. номере).

КОШМАРЫ.

С о н е т .

Кошмары черные и мрачные виденья
Повисли в эту ночь, как тучи, надо мной;
Пришли зловещие немые привиденья
Безумной, жуткою толпой.

Я всюду вижу их тревожные движенья,
И слышу голос их, мотильный и глухой:
Забудь мечты свои, забудь и сновиденья
В своей печали гробовой.

И тяжело, тяжело мне. И слезы, и страданья
Терзают сердце мне. И ночи тишина
Не внемлет моему рыданью.

Мелькает Смерти тень. Мне шепчет у окна:
Иди, иди ко мне! Прими мои лобзанья!
Я в мире царствую одна.

ЗАПИСИ ТЮРЕМНЫЕ.

Марк Мрачный.

(Продолжение).

11-го декабря, в дороге.

Вечером обежал наши камеры следователь Гыжин и просил готовиться к переезду. Большинство арестованных (харьковские рабочие и случайный элемент) остается в Харькове. Вывозят только наиболее активных работников конфедерации "Набат", делегатов и представителей мирной делегации, присланной революционной, повстанческой армией Украины ("махновцев"). Куда нас поведут?

Барон, Давид Коган и я тихо обсуждаем в углу камеры возможность убийства по дороге ("при попытке к бегству"). Мы отправляем через одного часового записки в город с уведомлением.

Все встревожены, но каждый по своему реагирует: кто курит сосредоточенно, кто огорчено и весело о чем говорит, кто прилег заснуть.

В час ночи пришел сильно вооруженный отряд чекистов и увел куда то "махновцев". Почему то и Бирюлина туда везули. Стало как то тише и тревожнее.

Через час пришли снова и вызвали снова: Барона, Волина, Д. Когана, Ваню Тарасюка и меня. Мы вышли на улицу с котомками в руках. На улице масса вооруженных солдат пеших и конных и чекистов, как то не по украински вымуштрованных.

Нас окружил отряд пеших солдат, кавалерия рассыпалась по бокам и мы тихо двинулись в темноте, снегом занесенные улицы Харькова. Скоро нас поглотила ночная темь. Видел я около себя бледное лицо "Иисусика" и иногда выплывала перед глазами слегка осутулившаяся спина Волина. Шли молча. Каждый из нас ждал, что вот сейчас, на первом же повороте чекисты начнут стрелять по нас, а завтра казенная печать уведомит кратко население, что пять анархо-бандитов убито при попытке к бегству.

Вот мы уже на Екатеринославской улице. Неужели так и доведут до вокзала?

Но вдали, навстречу нам неся какой то истощенный, сумасшедший крик. Как будто чья то

душа впитала в себя всю безисходную грусть этих снегом занесенных улиц, предательского дела, которое люди творили, как будто бы во имя революции; как будто открыл человек глаза, на всю мерзость запустения, которая царит кругом и — не выдержал. И завыл диким, звериным воем...

—"Диктатуры то пролетарской, братцы, не вынес человек — завыл" сострил кто то из нашей группы, но никто ему не ответил. Мы все почему то стали и сгрудились инстинктивно.

—"Пехота, стой! Кавалерию, вперед!" — раздалась команда начальника отряда.

Прошло несколько долгих, тяжелых минут. Мелькнула мысль: "может это только все подстроено мастерами на всякие дьявольские выдумки господ из Чеки? Может быть заранее сфабрицированное "нападение для освобождения преступников?" Лиц солдат, охранявших нельзя было осмотреть в темноте. Тут и там поблескивали только штыки, да мелькал красный огонек папиросы.

Скоро вернулись кавалеристы, о чем то доложили кратко начальству и нас повели дальше.

Вот и яркое пятно вокзала близко. Здесь, пожалуй, нас расстреливать не будут. Значит, нас в самом деле куда то увозят?

Кружным путем нас вывели на платформу, грозно прикрикнули на каких то случайных пассажиров, которые там крутились в ожиданииходящего поезда и нас подвели к какому то необычайного вида вагону.

На освещенной площадке стоял высокий, необыкновенно прямой человек в остроконечной шапке, смахивавшей слегка на карриатуру немецкого "шупмана". Он имел записную книжку в руках. При виде Волина он сделал гримасу, которая должна была сойти за улыбку. Это был Попов, начальник Внутренней Тюрем Особого Отдела В. Ч. К.

Вагон наш маленький с двумя внутренними решетками, за которыми находится вооруженная стража. Окна вагона небольшие и матовые.

В общем этот арестантский вагон, построенный еще при старом режиме, производит впечатление клетки, в которой зажаточный крестьянин возит кур на базар. Народу много напихали: четверо детей в возрасте от *) арестованные женщины (анархистки и две случайно попавшие в засаду), махновцы и анархисты.

Рано утром отъезжаем. Надзиратели наши угрожают и уговаривают нас быть потише, но мы все дружно поем заунывный марш анархистов:

"Споем же песню под громы ударов,

Под взрывы и пули, под пламя пожаров..."

Легче, признаться, становится на душе, когда поезд действительно оставляет Харьков в неизвестном направлении. Украина — вечный вулкан: пока мы оставались в пределах этой страны самых неожиданных возможностей, мы ни одну минуту не могли быть уверены в нашей жизни. Достаточно Махно произвести набег на Харьков или сделать попытку наступления, достаточно рабочим паровозостроительного завода выступить активно в защиту своих требований, и нас, как куропаток, перестреляют. Конечно, все мы под Чекой ходим и в Москве, не один десяток революционеров пал от пули знаменитых палачей В. Ч. К., но все же кажется мне, там атмосфера более спокойная. Да полно, в Москву ли нас везут? Может быть сошлют в какую-нибудь глушь или еще хуже придумают штуку, с них все станет.

Настроение у нашей арестованной братии неодинаковое: часть публики уверена в скором освобождении и переносит стойчески эту небольшую поездку, махновцы (кроме Виктора Попова и молоденького анархиста Вани Чарина) слегка размякли: они привыкли смотреть смерти спокойно в глаза на войне, но спокойная сидка в полутемной камере с перепективой быть убитым в подвале — это влияет на их нервы и у них немного вид растерянных и беспомощных детей. Волин подробно и живописно рисует нам распорядки и жизнь во Внутренней Тюремке, где он незадолго до этого времени отсидел несколько месяцев. Мы, активные работники Конфедерации

"Набат" знаем, что, в лучшем случае, придется годами сидеть. Барон знакомит нас с шифром, который он выдумал для конспиративной переписки. Давид рад поездке не меньше маленькой Лорочки, восхитительной девочки Николая: он часть 1919 года просидел в тюрьме при оккупации Украины Деникиным, ждали расстрела и был освобожден случайно. В 1920 году он был арестован вторично (уже большевизской охранкой), долго томился в той же тюрьме, совершил побег, скрывался в Харькове и, благодаря моим настояниям, вел жизнь отшельника. О поездке куда-нибудь он уже давно мечтал и теперь он доволен, уверяет меня, что до весны он досидит, "а там я снова, может быть, убегу". У Волина фантазия работает в другом направлении: он рисует нам с увлечением широкую волну восстаний, которые охватывают не только всю Украину, но и часть центральной России, наступление Махно на Москву и — "даешь анархистов".

Я устал от всей этой давки, от шума и разговоров. Хотелось бы уткнуться куда-нибудь в угол и спать, спать, спать...

14 декабря 1920 г.

Внутренняя Тюрема Особ. Отд. В. Ч. К.

Вчера до рассвета привезли на московский вокзал, сперва увели большую партию вместе с женщинами и детьми, затем повели нас "более опасных преступников". Шли мы под довольно сильным конвоем, но без такой торжественности, как в Харькове. Если встречался какой-нибудь запоздалый спутник по пути нашего следования в тюрьму, он даже не утомлялся нас взглядом: привыкли, видно, к арестованным, которых пачками топит Российская Коммунистическая партия по страдальце — земле Русской.

Шли мы долго по темным, сугробистым улицам и — вдруг перед нами предстала знаменитая, со времени "диктатуры пролетариата", Лубянка раздражающе ярко освещена. (Почему то вспомнились фантастические рассказы Эдгара По.). Нас подвели к какому-то помещению, на котором еще продолжала висеть безобидно какая-то торговая вывеска, и мы очутились в

*) В оригинале пропуск.

приемной В. Ч. К. Стоял взвод солдат (из войск Внутренней Охраны) сытых и франтовато одетых. Шмыгали с лицом безучастным и раз навсегда усталым, разные сотрудники. Были они похожи на, до смерти уставших приказчиков крупного магазина, вроде "Мюр и Мерилиз". Поддали нам анкеты. Никто из нас не стал их заполнять. Только Барон сел и начал давать такие ответы, что стоявшие за его спиной товарищи, следившие за ним не могли удержаться от дружного хохота. Я внимательно присматривался ко всему окружающему. Больше всего меня поразила во всех этих сотрудниках, шмыгавших то и дело мимо нас, во всей этой обстановке полуразрушенного магазина, какая то страшная будничность, прозаичность.

Быстро вошел начальник тюрьмы, осмотрел нас внимательно, о чем то пошептался с какими то бледнолицыми молодыми людьми, одному из них показал с многозначительным видом какой то список и, затем, начал вызывать нас по порядку. Сперва вызвали двух махновцев: Буданова и Попова. Они сильно побледнели, пожали нам руки и вышли в какую то дверь. Увели Волина. Он ушел, слегка сутулясь. Казалось, стало страшно тихо. Затем вызвали Д. Когана и меня. Мы прошли слабо освещенный корридор и вышли в темный двор, где тускло горел фонарь. Сзади нас шел бледнолицый молодой человек с револьвером наготове и глухо распоряжался: "Прямо, направо, левой, прямо".

Дошли до корридора, где одна лестница велла в подвал, а другая вверх. Произошла маленькая заминка, может быть, всего на несколько секунд... Конвоир молчал и мы не знали ведут ли нас в тюрьму или вниз в знаменитый подвал В. Ч. К., где нас сейчас же прикончат пулей сзади. Но конвоир наш лениво проронил: "Поднимайтесь". Мы дошли до третьего этажа, конвоир наш постучался в дверь. Нас выпустил вооруженный солдат. Недалеко от него сидел за столиком чинный парень, похожий на лакея из второразрядной гостиницы. Он лениво и, как бы сильно скучая, посмотрел на нас, открыл проворно дверь одной камеры, выпустил нас и сейчас же запер за нами дверь. Зажег снаружи пятисвечевую электрическую лампочку, висев-

шую у самого потолка и тускло освещавшую комнату.

Давид, по хозяйски, поставил корзиночку с парой белья в угол камеры, сбросил пальто и кожаную фуражку, которая его чрезвычайно таяготит (он принципиальный вегетарианец) и начал с задумчивым, "нездешним" лицом ходить из угла в угол... Я начал приводить в порядок нашу "квартиру": приладил два топчана, поставив их в противоположные углы камеры, чтобы каждый из нас имел свой угол, шинель свою положил так, чтобы она мне служила подушкой и тюфяком, накрыл шинель рваным одеялом, которое вывез из Харькова и — ложе мое было готово. Больше немного пришлось возиться для устройства постели Давида. Его арестовали в клубе и у него, кроме пары белья, которую ему кто то из нас дал еще в тюрьме Чупчезкома, ничего нет. (За-то у него другой "капитал": в последнюю минуту он забрал с собою случайно великолепно изданную книгу стихов В. Брюсова). Пришлось воспользоваться единственным соломенным матрацом, далеко не первой чистоты, который валялся в углу.

Глаза болели от ряда бессонных ночей, ныло все тело. Хотелось, не раздеваясь, растянуться на шатком топчане и спать долго: спать, ведь некуда. Но тянул к себе печатный лист бумаги, наклеенный на дверях камеры, на манер "правил для господ пассажиров" в гостиницах. Об этих "правилах для заключенных во Внутренней Тюремной Особого Отдела В. Ч. К." нам, еще в Харькове, рассказывали с нескрываемым ужасом.

Лист, как лист. Все, как полагается: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" — сверху. Слева — подпись заведующего делами Особого Отдела В. Ч. К. Ягоды. Больше всего привлекает мое внимание пункт № 9, шедевр, который должен войти в историю Российской Коммунистической партии:

"Чтение газет, книг и брошюр, игры, прогулки, курение и т. д. безусловно воспрещается".

Мне становится смешно. Я уже давно так не смеялся весело, как сейчас при этом великолепном, сногешибательном, неподражаемом "и так далее".

“Тише, граждане!” — крикнул чей то грозный глас в волчок. Мне от этого окрика еще смешней становится. Вот, комики. И как это они додумались до такого классического лагонизма?

Правила я оставил недочитанными (на первый раз хватит) да и сон одолевает.

Открывали двери камеры, приглашали в уборную, приходил с визитом, кажется, начальник тюрьмы, приносили еду, а я спал беспробудно. Ложе правда, не очень мягкое, но так хорошо растянулось во весь рост, — положить кулак под голову и спать, спать, спать.

Давно у меня не было такой комфортабельной комнаты.

16 декабря 1920 года.

Камера у нас сравнительно теплая и довольно большая: девять шагов в длину и пять с четвертью в ширину. Окно большое, но замазано сероватой краской, так что весь день у нас приятный полумрак. Решетка внутренняя и форточка, таким образом, не открывается. Стол деревянный большой. Стульев нет. Стены обклеены рваными обоями. В углу — параша.

Порядок дня у нас раз навсегда определенный:

1. Утром: “В уборную, граждане!”

2. Чем то подкрашенный кипяток, который приносит в громадном чайнике туповатого вида молчаливый латыш.

3. Осторожно полукрывается дверь и молчаливая женщина протягивает два куска хлеба (1 фунт с четвертью на нос).

4. Полукрывается дверь и женская рука протягивает метлу. Мы подметаем мусор к дверям, женщина выметает его быстро в коридор и дверь немедленно запирается. Эти “номера”, как мы их прозвали, не всегда следуют в одинаковом порядке. Бывает так, что нам дают почти одновременно метлу для уборки и кипяток, а в уборную не приглашают.

5. Визит начальника тюрьмы Попова или одного из его помощников. Входит, скажет вместо приветствия стереотипное: “Заявлений и жалоб никаких?” бегло, но внимательно осматривает камеру и спешит уходить — продолжать свой

обход.

6. Около половины первого подается той же женщиной (не глухонемая ли она?) обед в деревянных мисочках. Первое блюдо: неопределенного цвета и вкуса щи. Второе: довольно вкусная каша. Жаль только, что антракты между первым и вторым блюдом слишком длинные и утомительны.

7. Мисочки забираются. Женщина открывает дверь и ждет, чтобы мы их подали.

8. Около пяти часов вечера ужин: щи из вареной или мясные.

9. Миски забираются.

10. Кипяток подкрашенный.

11. Между восьмью и пол-десятого: “в уборную, граждане!”

Эти одиннадцать “номеров” — единственная возможность взглянуть хоть на коридор. Но, впрочем, здесь все видно, заранее предусмотрено и высчитано (не даром же у власти “научные” марксисты): ни одного арестованного не увидишь и не услышишь почти. В уборную, которая находится на том же этаже недалеко от камеры, нас сопровождает надзиратель, который считает, должно быть, своим приятным долгом почти присутствовать при нашем туалете. Он тщательно следит за тем, чтобы в уборной не осталось никаких надписей и записок.

Давид долго ходит по диагонали камеры туда и обратно, затем останавливается около меня и говорит:

— “Знаешь, мне все кажется, что нас поместили в благоустроенный сумасшедший дом. Надзиратели, которые видно, только и умеют, что “тише, граждане” и “пожалуйте в уборную”, начальник тюрьмы и — мы с тобой: все мы тихо помешанные”.

Он снова начинает свою нескончаемую прогулку по камере. Затем снова останавливается и продолжает с детской улыбкой на устах: “В январе 1920 года я впервые попал в руки Чека и снова поселился в той тюрьме, в которой незадолго до этого, я сидел при Деникине. Утром открывается дверь камеры и надзиратель, мой старый знакомый; надзиратель по недавней дежурной ссудке, торжественно заявляет: “в уборную, товарищ!” Приглашение это показалось

мне таким смешным, что я неудержимо расхохотался. А теперь вот привыкли и — ничего. Пожалуй, когда даже они расстреливают в подвале, они говорят: "становись к стенке, товарищ!" Разве это не сумасшедший дом?"

— "А мне вот кажется, что мы в немного странной, но благоустроенной гостинице. Я уже давно не питался так регулярно. За последнюю пару лет не было, на так называемой воле, возможности посидеть в теплой, сравнительно, комнате и подумать спокойно. Правда, питание слабовато (наказал меня Аллах аппетитом), свежим воздухом не дышим и еще кой-какие "неудобства". Видишь ли, пока я был свободен, я был ответственен и за себя и за организацию нацу и вообще за все, что делается плохого или хорошего на божьем свете, а сейчас вот посадили меня и этим, как бы освободили от ответственности перед миром и за мир. Нету газет казенных, никто тебя не арестует здесь. Можно часами сидеть, глядеть в точку, думать о своем внутреннем, глубоко-личном. Хорошо, брат! Вот кабы еще махорки достать, я бы "Да здравствует диктатура пролетариата" закричал.

— "Тише, граждане!"

22 декабря.

Целый день ходим из угла в угол, молча. Только иногда обмениваемся словом-другим и снова молчим.

Мы отрезаны от всего мира. Нет возможности связаться с волей, наши московские товарищи, скорее всего, даже не знают, что мы здесь. Я попробовал, было, заговорить с одним надзирателем, но он, как ужаленный, отскочил от меня и не своим голосом закричал неизменное: "Тише, товарищ!"

Ночью пришлось нам пережить несколько тяжелых часов. Билась в страшной истерике какая-то женщина; билась, как будто, головой об стенку. Торопливые шаги надзирателей раздавались в коридоре; они зажигали свет по камерам и засматривали в волчок (они это делают не меньше 6—8 раз в ночь). Скоро пронесли с придушенным шумом кого-то по коридору. Куда? В подвал на расстрел? К доктору или следователю на ночной допрос?

Убили своей централизацией и диктатурой творческий дух революционных масс. Задушили свободу собраний, печати и мысли. Затянули все революционное в подполье или в тюрьмы. Широко разлили яд недоверия и доносов в рабочей среде. Красными цепями узколобой диктатуры своей партии они связали крепко всю рабоче-крестьянскую Русь, заткнув ей предварительно рот, и от края до края вновь поработанной страны слышно только неумолимое, угрожающее и грозное: "Тише, граждане!"

Декабря 31-го, 10 часов вечера.

Видно, по случаю наступающего праздника нам дана маленькая "вольность": надзиратель не бежит по коридору, распоряжаясь, как класный надзиратель: "спать пора, спать ложись".

Сегодня в нашей тихой жизни произошло еще одно событие важное, радостное и бодрящее: около восьми вечера, когда нам остался в "порядке дня" только один "номер" — уборная, лишний раз открылась дверь камеры, вбежал какой-то чекист и положил на стол два больших куска хлеба (фунтов 6 будет), кусок сыру, две селедки, самое главное — две пачки махорки и коробочку спичек. Событие это важно для нас не только тем, что досталось нам немножко больше еды (а мы здесь болезненно чувствуем недостаток пищи. Особенно Давид, который не ест вовсе супу, так как там "кусочки труп": он ухитряется даже в тюрьме оставаться вегетарианцем). Эта анонимная передача означает, что наше пребывание во Внутренней тюрьме стало известно нашим московским товарищам, а это уже хорошо. В Москве, значит, не все наши арестованы и это важно. И еще: на улице сегодня, должно быть, холодно и сыкотно, условия жизни московских анархистов, может быть, даже сквернее наших тюремных (мы ведь, как никак, имеем теплую квартиру и фунт хлеба в день) и вот наплись товарищи, которые лишили себя самого необходимого и принесли нам лишний кусок хлеба, рискуя быть арестованными в капицелирии тюрьмы за знакомство с "анархо-бандитами". В условиях полной изоляции от всего мира, от родного дела и от близких, этот акт товарищеского внимания согревает и вол-

нует, как будто рука любимой тихо погладила бы голову... Медленно, даже внимательно я затаиваясь махоркой и слушаю речи Давида, который особенно возбужденно ходит сейчас по камере, улыбается своей "блаженной" улыбкой (не даром его в товарищеской среде наградили кличкой "Писусика") и о чем то мечтает вслух.

Без четверти двенадцать.

Давид устал от быстрой ли ходьбы по камере, от необычной ли возбужденности сегодняшнего вечера. Он лежит на топчане, устремив глаза в потолок. Он, должно быть, думает сейчас о своей близкой подруге и о сынишке своем пестимесичном, который носит прекрасное имя Сигурда. Лицо Давида сейчас как то особенно бледно и странно прекрасно в своем, как будто до боли напряженном внимании. Прислушивается ли он к звукам танца над нашей головой (кто это: арестованные или тюремный персонал?) к редким звукам которого иногда, в ночной тиши долетают к нам с улицы (как она близка и безконечно далека!) или к своим мыслям? Я весь во власти какой то необычайно-торжественной благостности, душа до краев переполнена тихой тихой просветленной радостью...

— "Слушай, Давид! Сегодня ночью могут к нам в камеру ворваться пьяные чекисты и повести в подвал на расстрел: кровь человеческая, пролитая в праздничный час, может приятно щекотать нервы какого-нибудь садиста, в руках которого находится наша судьба. Перед лицом смерти, которая стоит за спиною у нас, мы ведь еще меньше, чем когда либо, должны прибегать к дешевым театральным позам и жалким словам. По всей человечности, по всей мо-

ей братской любви я тебе говорю сейчас. Невыразимо жалко расстаться с всегда волнующей сказкой жизни, грустно уйти от близких, глаза которых в жуткой тишине наших бессонных ночей нам ласково-грустно улыбаются, жалко даже этой полутемной камеры "отеля тишины и смерти". Помнишь слова Брюсова:

"Ведь каждый камень может быть чудесен,

Если жить в медлительной тюрьме?"

А все же, все же на душе как-то спокойно и хорошо... Я в жизни, как и ты, как и каждый из моих братьев-людей, перенес много тяжелого и неизбывно-горького. Особенно остро я чувствовал всегда непередаваемую горечь тпеты нашей человеческой жизни, боль разочарований, полны тоски по красоте и счастью в этот вечер, когда медленно умирает старый год. Я никогда не мог понять, как это люди могут радостными быть в этот час, который так бесстрастно напоминает о главном и неизбежном, которое у каждого из нас за спиною. А вот теперь мне хорошо. Самое главное, кажется мне, это расти, идти упорно по тяжелому пути к тем огням, которые светят нам впереди, творить молитвенно сказку своей жизни... Кто знает, может это и есть то, что люди называют счастьем. Мне хорошо, потому что, когда я сойду в подвал, чтобы пасть нелепо от руки бессмысленного раба, я буду чувствовать (и сейчас чувствую), что я делаю свое дело, дело моей внутренней жизни. Я — здесь, потому что так внутренне-пузко, потому что я не могу не быть здесь и мне необычно хорошо на душе.

Прими, брат мой, в этот торжественный час мой привет:

— "С Новым Годом, Давид!"

(Продолжение следует).

УРОКИ «МОРАЛИ».

В номере седьмом "Анархического Вестника" напечатаны два документа, которые можно назвать, в сущности, своеобразными уроками "морали". Речь идет здесь о "протесте-опровержении" Группы Русских Анархистов в Германии и о статье Горбунова. Оба "документа" написаны против злополучной статьи В. Худолея "О

наших разногласиях".

Редакция "А. В." нашла эту статью совсем неприличной и нетоварищеской. Исходя очевидно из очень высоких и благородных соображений, редакция не нашла поэтому возможным для себя вступать с Худолеем в какую бы то ни было полемику. И это моральное величие редак-

ции "А. В." я мог бы только приветствовать, если бы... если бы Берлинская группа, которая, как мне известно, и редактирует этот журнал, не напечатала бы на его страницах своего "протеста". И юридически редакция "А. В." будет права, конечно, если она будет говорить кому либо о своей моральной высоте, ибо этот "протест" написан ведь не ею, а... Берлинской группой. Фактически же этот подход к делу можно назвать традиционным стрелянием из за угла из кривого ружья, очень свойственным некоторым людям. Этим стрелянием в своих противников занимается, следовательно, и редакция "А. В.". В противном случае она не помещала бы на страницах своего "идеального" журнала подобных "документов".

Я не знаю, встречался Волн с Эрмандом и Хархардиным в тюрьме или нет и не могу сказать поэтому, опровергает ли что либо в этом отношении Берлинская группа или же нет. Этот вопрос может быть выяснен только в том случае, если от Эрманда и Хархардина будут получены когданибудь какие либо справки, относящиеся к этому вопросу.

Я очень внимательно прочел статью Худолея. И должен согласиться, разумеется, с Берлинской группой, что в этой статье имеется несколько неприличных для литератора выражений. Не стану я поэтому оправдывать редакцию "Волны" что она допустила эти выражения. Но, ничего уж, видно, не поделаешь. "Не ошибается только тот, кто ничего не делает". Эта ошибка была допущена еще быть может и потому, что в редакции "Волны" нет, как мне известно, слишком утонченных аристократов, которые ругаются не хуже простых смертных, но ругаются очень вежливо и деликатно. Вполне возможно, следовательно, что они, эти простые смертные, и не заметили этой "ругани" в статье Худолея. И, словами Ибсена надо оправдать этих смертных:

"Простится то, чего не можешь,

Но не простится то, чего не захотел".

Ничего другого, более страшного, в этой статье нет. Нет также личных оскорблений. Статья написана только в резком духе. Но если бы это была даже и личная ругань (хотя это совсем недопустимая в печати вещь), то в некото-

рых случаях эту ругань можно было бы даже оправдывать в качестве меньшего зла. Всякая ссора, всякая ругань — дело очень плохое. Но если отношения между теми или иными товарищами являются несколько острыми и натянутыми, мне думается в этом случае, что лучше уж поссориться и даже выругать друг друга, нежели устраивать какиенибудь... кулачные расправы.

Я понимаю, почему редакция "А. В." не нашла возможным ничего ответить Худолею по существу затронутых им вопросов. Ей просто нечего было сказать. А к чему можно "придаться", к этому постаралась придаться Берлинская группа. Она протестует против ругательств, протестует против нарушения принципов анархической этики и не замечает очевидно того, что она и сама нарушает эти этические принципы, нарушает даже простое понятие чести.

Для того, чтобы "опровергнуть" заявление Худолея о переходе синдикалистов к большевикам, Берлинская группа заявляет, например, без всякого стеснения, что эти ренегаты находились также и в рядах анархо-коммунистов, указывается в этом случае на Александра Ге и братьев Гординых. Это уже совсем не морально. О ренегатстве А. Ге вопрос и до сих пор еще остается спорным. Есть очень много оснований думать, что А. Ге никогда не был ренегатом. Если же у Берлинской группы имеются по этому вопросу какие либо данные, их необходимо опубликовать в печати. Обвинять же мертвого без всяких оснований ни в коем случае нельзя, ибо мертвые не могут отвечать живым.

Что же касается "братьев Гординых", то этот "довод" является уже умышленным и нечестным. Гордины никогда не были ни коммунистами, ни анархистами вообще. И никто из русских анархистов не считал их таковыми. Правда, у них были свои последователи и поклонники, что то около 5 человек ("союз пяти угнетенных"), но ведь и всякий дурак имеет на нашей грешной земле своих поклонников и последователей. Гордины были авантюристами и талмудистами и остались таковыми. Это может подтвердить каждый анархист, знавший их лично, а также и их деятельность. Нельзя, следовательно, приводить подобных "доказательств",

а тем более в то время, когда указывают на грехи другого. Гординых можно было бы называть анархистами только в том случае, если бы, например, редакцию "А. В." и Берлинскую группу можно было бы называть не их собственными именами, а корпорациями ученых, философов или художников. Но это ведь абсурд!

Нельзя, следовательно, Берлинской группе писать для кого то уроки морали, если она сама не является образцом нравственной чистоты и нравственного поведения. Следует помнить слова Р. Роллава: "Если ты хочешь освещать жизнь другим, ты должен сам быть солнцем".

И нечего обижаться на редакцию "Волны", если она совершила только одну ошибку, а не две. А напечатать этот урок "морали" — это и означало бы совершить еще одну ошибку...

* * *

Горбунову тоже не нравится ссора. Он называет ее болезнью. Но как от нее излечиться? Горбунов решил, повидимому, что самому надо заболеть для этого этой болезнью. Переживешь ее — будет не опасной. И Горбунов пишет статью, пишет против Худолея. Он посылает ее в редакцию "Волны", но редакция отсылает эту статью обратно. И Горбунов пишет жалобу на "Волну" в редакцию "А. В.", который печатает эту жалобу, выражает сочувствие "пострадавшему", печатает также произведение Горбунова. Зачем, в самом деле, писать после этого редакции "А. В." особый ответ Худолею, когда против него пишет и группа, и Горбунов. Нападать же втроем на одного несколько даже стыдливо.

Против чего выступает Горбунов? — Он возмущается прежде всего против раз'единенности, которую проповедует, по его мнению, Худoley. О каком объединении говорит Горбунов? Анархисты-коммунисты довольно хорошо ведь объединены и организованы. Это наблюдается в России и в Америке. Если же появляются на свет божий какие либо мелкие новые группки (в полтора человека), то не может же ведь все наше движение присоединяться к этим новорожденным группкам. Если эти группки имеют искреннее желание работать в движении, то они сами должны присоединяться к общей работе. Какое же

другое объединение необходимо этим группкам? И если эти группки не принимают участия в общей работе, значит, у них нет и желания работать в общем деле. Зачем тогда и разговаривать о каком то объединении? Хуже всего то, что они хотят занять в движении какую то руководящую роль и начинают вмешиваться в "чужие дела". Сами ничего не делают, мешают и другим в работе. Не это ли называется "объединением"?

В своей критике "объединенного" анархизма и синдикализма Худoley разумеется прав. И в этой критике нет ничего оскорбительного. Но этой критике не понял Горбунов; не понял, очевидно потому, что он является "простым малограмотным рабочим". С одной стороны, если он не понял этой критики, это быть может и так, а с другой же стороны, мне что то не верится, чтобы его статья была написана малограмотным рабочим. Кто знает, быть может за его именем скрывается кто то и более грамотный.

Критики Худoley он не понимает, а критиковать Худолея берется. Когда Худoley, более компетентный в экономических науках нежели Горбунов, говорит о том, что после революции "некоторое время и в некоторых местах вероятно будет существовать денежная система", здесь Горбунов оказывается не малограмотным человеком, а, если хотите, экономистом и начинает критиковать эти предположения Худoley, принимая их за чистую монету. Худoley, видите ли, "не знаком ни с капиталистической системой, ни с революционной борьбой трудящихся и место таким героям не в анархических рядах, а в кадетских или меньшевистских". Хороший, значит, малограмотный, когда дает уроки экономики Худолею!

Горбунов упрекает Худoley в непонимании маховщины. Но кто знает, быть может Худoley, находясь в России, знает об этом движении несравненно больше нежели сам Горбунов. Книга Аршинова еще не авторитет. Эту книгу оценивают разны и критики (тот же Худoley, М. Мрачный, Е. З.). И не следует вмешиваться кому бы то ни было в дело критики той или иной книги: это дело критиков и автора книги. Пусть они выясняют истину. И если русские анархисты

(и Худолеев в том числе) не приняли участия в этом движении, то у них были вероятно, в этом отношении какие либо серьезные соображения. Все это выяснится в будущем.

Когда же Горбунов, желая, очевидно, принять на себя обязанности адвоката редакции "А. В.", спрашивает Худолеева, где находился он в такое то и такое то время, что делал, то эти вопросы кажутся мне совсем уже не анархическими. Это уж допрос человека; эти вопросы относятся ведь к личной жизни. Это самая подлинная болезнь.

Во-первых, Горбунову можно было бы ответить так: а вам-то какое дело, где были люди и что делали? И кто вы такой, что берете на себя смелость спрашивать людей об этом? А во-

вторых, если все анархисты будут спрашивать друг друга, где кто был, что делал, чем занимался, каково было поведение, в каком доме жил (советском или частном), на ком женился, мы в этом случае дойдем бог знает до чего. Низость и пошлость. Такие вопросы свойственны только деревенским бабам-сплетницам, а не серьезным людям. Правда, последних вопросов не задает Горбунов Худолееву, но такие люди, кажется, имеются.

Да, болезнь тяжелая, но излечиться сначала сами, а потом уже начинайте лечить и других. Иначе этой болезнью заражаются и здоровые люди...

А. А.—вич.

ОБЩЕМУ СОБРАНИЮ ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Бывшие политкаторжане и ссыльно-поселенцы, принадлежащие к разным партиям, группировкам и направлениям, объединились в одно неразрывно-целое общество, воодушевленное и спаянное, единой общей целью, единой идеей создать и понести миру от края до края подлинную историю кровавого прошлого и героической борьбы с ним, — дать ту огненно правдивую историю революционного движения прошлого, какую еще не ведал мир и на какую правомочны только прямые носители его, отдавшие этому движению молодость, свободу, всегда готовые понести и жизнь.

Вот фундамент, основание и цель объединившая в одно целое разномыслящих, разнопартийных членов общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Основной принцип общества, по самой сущности своей, по заданиям и по составу — строгая аполитичность. Мы объединились для воссоздания ПРОШЛОГО. Как мыслит себе каждый в отдельности член общества НАСТОЯЩЕЕ — приемлет он его или не приемлет, это его личное дело и дело лично с ним за стеной общества господствующей власти в лице его исполнительных органов; ЗА СТЕНОЙ ОБЩЕ-

СТВА — ОТНЮДЬ НЕ В СТЕНАХ ЕГО.

Всякая попытка вводить в общество политический элемент сегодняшнего дня, с чьей бы стороны она ни делалась, должна была изгоняться беспощадно, ибо этим нарушается принцип аполитичности, нарушается солидарность общества и дезорганизуется работа, которой — место свято.

На таких и только на таких началах основывалось общество, и только при таких условиях существование общества могло сохранить свою объективно-историческую ценность.

На практике оказалось, что члены господствующей ныне партии коммунистов-большевиков, входящие частью в общество, думают об объективной ценности истории иначе.

В погоне за средствами для укрепления своего господства в настоящее время они забыли о цели будущего.

Чувствуя себя господами положения, они звонким порядком провели свою политку в стены аполитического общества. Систематически, постепенно насильственным путем они превратили общество в отделение Р. К. П., морально насильствуя этим членов общества инакомыслящих.

Я отказываюсь состоять членом общества

бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, которое, по воле власти имущих, превратилось в отделение Р. К. П.

Я отказываюсь состоять членом общества, в стенах которого вербуются и рекомендуются члены в Р. К. П.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое, игнорируя инакомыслящих членов своих, морально их насидуя, шлет приветственные телеграммы Третьему Интернационалу.

Я отказываюсь быть в обществе, от членов которых требуют всем составом войти в МОПР.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое исключает из своей среды бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, осужденных за политические убеждения существующей властью и горячо протестую против этого параграфа в уставе.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое разделилось на господ и рабов — первые декретивным, насильственным путем проводят свои политические, чуждые обществу, цели, вторые по мотивам, во всяком случае не революционным, глухо ропща, подчиняются им.

ПОЗОР НАСИЛЮЮЩИМ И НАСИЛЕУЕМЫМ.

Членам общества коммунистам хочу еще раз напомнить, что в погоне за средствами утверждения себя сегодня они забыли о завтрашнем дне.

История делается не только ими, хоть они

и пытаются узурпировать ее, и не кончается история на них, хоть и тарцуют они на коне победителями.

Далекой, но яркой звездой, то тускнея за тучами, то вновь появляясь, великая революция грядет к нам и победная придет.

Воскреснет, вновь задохшаяся в тисках партийности, идея об обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев в первоначальной своей красе и шире.

Вновь зазвенит живой мощный голос подлинной истории революционного движения в прошлом. К страницам прошлого история отнесет и наши дни. Отмечено историей будет и возникновение и духовная смерть нашего общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Печатью каннов будут отмечены коммунисты члены общества, каннов-убийц моральных, лучших товарищей своих по оружию в борьбе с врагами революции вчера и в борьбе за грядущее завтра...

Бывшая полит. каторжанка
анархистка **ОЛЬГА ТАРАТУТА.**

Целиком присоединяюсь к заявлению т. Таратуты, выхожу из общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев и прошу исключить меня из списка получающих пенсию.

АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВА (Галаева).

Искажения истины.

(Письмо в редакцию).

В № 7 "Анархического Вестника", в письме Группы Анархистов Юга России, сообщается, что в Москве существует "карелинский Черный Крест", и что в этом Черном Кресте "постоянно находится засада шпинов". Ради восстановления истины, считаю необходимым сообщить заграничным товарищам следующее:

Карелинского Черного Креста нет не только в Москве, но и во всей России. В России (в Москве) имеется только Всероссийский Черный Крест Анархистов, в работе которого А. Карелин, вследствие болезни, принимает сравнительно небольшое участие. В Секретариате же этого

Черного Креста находятся следующие товарищи: Александр Андреев, А. Карелин, Агния Солонович и автор этих строк.

Что же касается засады шпинов, то и это сообщение не соответствует действительности. В Черном Кресте никогда не было засады и не может быть: во-первых, Черный Крест не имеет ни собственного, ни постоянного помещения; а во-вторых, собрания Черного Креста устраиваются в разных местах и на разных квартирах. Никакая засада поэтому в Черном Кресте невозможна. По всем делам Черного Креста товарищи обращаются обычно к членам Секретари-

ата, у которых производились иногда обыски, но никаких засад не было.

* * *

В том же номере журнала Группа Русских Анархистов в Германии дает товарищам справку, почему Эрманд и Хархардин не были включены в список "преследуемых анархистов".

Я очень сожалею, что В. Худолей, затронувший этот вопрос, не сообщил мне своевременно об этом. Я попросил бы его в этом случае ничего не писать обо мне, ибо я очень недоволен тем, что из за моей персоны люди вступают в некоторый спор, занимаются какой то перепиской, попадающей, к сожалению, даже в печать. Но раз этот вопрос "выплыл наружу", я считаю необходимым сказать об этом пару слов и буду питать себя надеждой, что этот нелепый спор будет считаться после этого ликвидированным.

Если Волин заявляет Берлинской группе, что он не видел в Бутырской тюрьме ни меня, ни Хархардина, то мне думается в этом случае, что ему просто изменяет память. Поэтому, быть может, он и утверждает, что с Эрмандом и Хархардиным он никогда в Бутырской тюрьме не сидел. А мне ведь помнится, что, когда Орловскую группу (и меня в том числе) перевезли из Орловской тюрьмы в Бутырскую тюрьму, я встретил там Волина, разговаривал с ним кое о чем, выступал с ним на одном вечере (посвященном

памяти Кропоткина). На этом вечере выступал также и Хархардин. Все это было после смерти Петра Алексеевича. Значит, Волин либо очень скоро забывает прошлое, либо сознательно искажает истину.

Эту справку я пишу совсем не для того, чтобы попасть во что бы то ни стало в следующее издание "списка преследуемых анархистов", а только для того, чтобы сказать Волину, что не подобает взрослому человеку (а тем более анархисту) говорить людям очевидную неправду. Нельзя вводить также в заблуждение своими заявлениями и Берлинскую группу, которая пишет ради защиты Волина некоторое "опровержение" и... ничего не опровергает. Если же подобное положение вещей будет продолжаться, то если Волин захочет иногда сказать людям и правду, то ему никто не будет верить, как не поверили однажды зрители в театре и тому шуту, который выбежал на сцену и начал кричать о пожаре. Это была действительность, а не шутка, но ему никто не верил до тех пор, пока весь театр не охватила пламя. Ибо он был шут.

Никто из орловских товарищей не обижается на составленный список. Не обижаясь также и я. Наряду с этим я не нуждаюсь в рекламах и не считаю нужным поэтому писать для кого бы то ни было свою биографию.

Июнь, 1924.

Реберт Эрманд.